

ЛЕОНИД МОРГУН

ГРИС-
КОСМОПЛАВАТЕЛЬ

Леонид Иванович Моргун

Грис-космоплаватель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11034704

Грис-Космоплаватель: «Остеон-Пресс»; 2015

ISBN 978-5-00064-775-2

Аннотация

Предлагаем юному читателю увлекательную фантастическую повесть-сказку о похождениях нашего современника, мальчика из самой заурядной сибирской семьи в мире космических пиратов и героев, пройдох и злодеев, богов и служивого люда. Похищенный бродячими космическими торговцами и контрабандистами, наш герой кажется поначалу всего лишь жалкой жертвой обстоятельств, но затем к нему стягиваются важнейшие нити глобальной всемирной интриги.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	29
Глава 4	41
Глава 5	47
Глава 6	61
Глава 7	78
Глава 8	82
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Леонид Моргун

Грис-космоплаватель

(повесть-сказка)

Все права защищены. Права на электронную версию книги и её распространение принадлежат издательству ООО «Остеон-Пресс» и автору – Леониду Моргуну. Никто не имеет право каким-либо образом распространять или копировать этот файл или его содержимое без разрешения правообладателя и автора.

Глава I

На каждого человека порой обрушиваются удары судьбы. Но самый страшный – удар по его репутации. Если же человеку совсем недавно исполнилось одиннадцать лет, а репутация у него и до этого была не ахти, то этот удар разит насмерть. Именно такой удар достался нынче на долю Гриши Селиверстова по прозвищу Гриська. Прозвище тоже было дурацкое, доставшееся в наследство с младенческой поры, когда он не умел еще правильно выговаривать собственное имя, а поскольку иного прозвища он так и не сумел заработать, то старое так и прилипло. Оно долгое время причиняло ему немалые страдания. Чудовищное, дурацкое прозвище, так, не имя, а какая-то щенячья кличка. Но и с ним можно было бы примириться, если бы не угроза получить новую, еще более позорную кличку, скажем Трепло, Брехунчик, или того похлеще. И все из-за того, что Гриша не умел держать язык за зубами. Или если бы не придавал особенного значения своим снам. Но как ему было не верить в них, когда с недавней поры они стали являться с пугающим постоянством?

Так, скажем, ему довольно отчетливо снились собственные приключения на разных далеких, неведомых планетах. Он с кем-то сражался, кого-то побеждал, попадал в плен и, проявив чудеса мужества, вновь вырывался на волю. Странные, дивные существа являлись ему во снах: многорукие и одноногие, двух-трехголовые или же вообще без голов, пуга-

юще-безобразные или же невообразимо прекрасные. Но чаще всего среди них присутствовал высокий худой человек с длинными, кипенно-белыми волосами и иссиня бледной кожей. Он пристально глядел на мальчика из темноты своими темно-синими глазами, в которых горел крохотный пурпуровый зрачок и, вкрадчиво улыбаясь, манил его за собою. Куда? Смешно сказать: в лес, в чащобу, в самую глухомань которая, впрочем, Грише была неплохо известна. Там была небольшая полянка, надежно спрятанная от посторонних глаз в буреломе и зарослях можжевельника. С нее-то и начинались все его невероятные ночные похождения, о которых он имел глупость рассказать мальчишкам. Тем его рассказы неожиданно понравились. Они даже готовы были поверить, что Гриша все это увидел в кино, но ему вздумалось начать рассказывать от первого лица, от своего имени, да еще в школе. Например, о бурляндцах. О, это были забавные создания с большущими головами и крохотными ручками и ножками, каким порой в детских книжках рисуют Колобка. Они обожали делать друг другу подарки и каждый день начинали с того, что думали, кому бы и что подарить, так чаще всего не додумав, они и укладывались спать до следующего утра. И все повторялось сначала. Ежегодно они проводили всенародный конкурс Глупости и самый большой дурак становился их королем, а дурни, занявшие низшие призовые места – его министрами. Деньги каждый из них рисовал такие, какие ему больше нравились, причем в любом количе-

стве. Весь класс так и катался со смеху, слушая эти рассказы.

Но итоговую черту подо всем этим провел Санек Камарин, которого Гриша до той поры считал своим лучшим другом. Сегодня он его слушал, слушал да вдруг заявил, что Гриша никак не мог просидеть три недели на одном астероиде, дожидаясь подмоги. А все потому, что на астероидах нет ни воды, ни воздуха.

– Но я же был в скафандре! – возразил Гриша.

– А где ты взял столько воды, еды и кислорода, чтобы хватило на три недели?

– А кислород в космосе есть!

– Как есть?

И всей гурьбой мальчишки повалили к школьному физику Арнольду Сергеевичу, который снисходительно улыбаясь, объяснил, что в космосе, конечно, есть и кислород и водород в свободном состоянии, но их там настолько мало, буквально несколько атомов на кубический километр, что их конечно не хватает на то, чтобы объединиться в молекулу воды, и уж тем более не хватит на дыхание.

– Но ведь на мне был очень хороший скафандр! – воскликнул Гриша. – Он был... НУ. как бы живой. Он самостоятельно улавливал атомы кислорода из пространства и солнечные лучи и перерабатывал их в энергию. И ее мне вполне хватило для жизни!

Услышав это, физик с улыбкой потрепал ему волосы, назвал фантазером и ушел.

– Трепло ты самое настоящее, Гриська, вот кто! – припечатал его Санек. – Тречач! Гриська-сосиська!

Гриша бросился было в драку, но его отмутузили, извозили в пыли и со свистом проводили со школьного двора.

Уже на подходе к дому в нем возникло твердое решение не возвращаться больше в школу. А куда пойти? Для ПТУ он еще мал, других школ в округе не было, в лес его с собой отец брать не хотел. Едва Гриша зашел в дом, как мать крепко выругала его за грязные брюки. Еще бы им не быть грязными, лупили-то его ногами. На глазах у всех! На виду всего выходящего восьмого класса, у Таньки!

Вспомнил он, как поглядела на него эта высокая красивая девочка, из-за которой девятый и десятый классы ходили драться стенка на стенку. На Гришу она даже и не смотрела, маловат он был для нее, но все равно очень обидно оказаться у нее под ногами в истоптанном костюмчике с чумазым лицом и расквашенным носом. Вспомнив об этом, Гриша чуть не разрыдался, тем более, что именно в этот момент получил от матери крепкий подзатыльник. Решение пришло неожиданно. Он уйдет из дому. Да-да, уйдет и немедленно!

Будет жить в лесу, построит себе шалаш, потом дом, будет сам охотиться, смастерит себе лук и стрелы, как Чингачгук. Тем более, что недавно всю страну обошел репортаж о семье староверов, которая в отрыве от цивилизации прожила более семидесяти лет.

Итак, недолго думая, Гриша отломил себе полбуханки

хлеба, отрезал кусок сала, немного колбасы, бросил все в лукошко, накрыл тряпкой и пошел из дома.

– Куда? – строго спросила мать.

– За земляникой, – сказал он, отводя глаза.

– Сядь за уроки, олух, четверть же кончается! – сердито сказала она. – Вот уже погода мне, хоть одну тройку в таблице увижу, отцу скажу, он-то тебе выплет как следует!

– Не увидишь! – закричал Гриша и пустился бегом со двора.

Дом стоял на окраине деревни, и от крыльца его тропинка, затейливо петляя, вела на пригорок, с которого открывался вид на безбрежный зеленый океан тайги.

Затем тропинка круто сбегала в молодой подлесок и окончательно терялась среди вековых елей, незыблемо сидевших на подушках из собственной опавшей хвои. По весне в этих подушках можно было отыскать немало грибов, но сейчас шел к концу месяц май. Дни стояли сухие и грибы давно сошли. Зато вволю было ягод, коими Гриша не преминул полакомиться.

Неожиданно для себя он наткнулся на довольно приличные заросли земляники, сам поел и набрал в лукошко, потом огляделся и обнаружил, что забрался очень далеко. Более того, это место показалось ему подозрительно знакомым. Он пригляделся. Все точно. Именно эта поляна так часто виделась ему во снах. Правда, пока она была не видна, поскольку была закрыта густой зеленой стенкой кустарника, однако, все

ее приметы были налицо. Он запомнил их с тех давних пор, когда они с братом Мишкой забрели сюда в поисках грибов и чуть не заблудились. Старшие братья их, правда, довольно быстро отыскивали, но влетело им здорово, так что место это хорошо запомнилось. Вон поваленная пихта, чуть подалее от нее – старый муравейник, небольшой обрывчик, в котором зияет заброшенная барсучья нора.

Чтобы выйти на поляну, достаточно было лишь раздвинуть ветви можжевельника – и все же он отчего-то оробел. Что-то пугало его во внезапно сгустившейся тишине, которую порой разрезали резкие свистящие выклики каких-то птиц. Однако эти звуки не могли принадлежать ни одной из известных ему птиц, а знал он их немало. Так же неожиданно потемнело небо, солнце, и без того плохо различимое из-за древесных крон, скрылось за тучи и на землю упали резкие черные тени. Тьма окутала мальчика. Ему стало страшно. Он никогда не отличался особенной отвагой и все свои подвиги предпочитал совершать во сне или же в воображении. О да там-то, да, под рукой у него всегда оказывался факел, чтобы сунуть его в оскаленную пасть чудовища, или автомат, чтобы расстрелять набросившихся на него врагов, или замысловатой конструкции бластер, которым легко было спалить целый танк. Но здесь эта чернота, эта таинственная тишь пугала его, и одновременно манила, и звала к себе, и отгоняла прочь. Но нет, это не тень, это тот самый человек с голубыми волосами, протягивает ему призывно руку и приглашает

к себе. И мальчик, вдруг осмелев, шагнул за ним, раздвинул кусты и увидел это...

Меньше всего это походило на летающую тарелку. И тем не менее Гриша Селиверстов каким-то внутренним чутьем, может быть, чисто подсознательно ощутил, что это непонятное нечто, встреченное им на лесной поляне, имеет какое-то отношение к космосу. И все это несмотря на то, что внешне предмет этот больше всего походил на обыкновенный земной гриб, вроде свинушки.

Он был серого цвета, с рифленой трубчатой шляпкой, переходящей в довольно узкую бугристую ножку. Попадись та-

кой под ноги, Гриша бы его и не заметил, а заметив – просто сшиб бы его одним ударом носка потрепанного своего кеда. Но в том-то и дело, что это было в тысячу раз больше, обширней и выше любого гриба. Ножка его достигала в высоту метров двадцать, а шляпкой и вовсе можно было бы прикрыть приличный коровник.

В первые мгновения после того, как, раздвинув кусты можжевельника, Гриша выглянул на поляну и увидел это, у него просто перехватило дыхание и он даже чуть было не

воскликнул восторженно:

– Ух ты!..

Однако, он не закричал. И именно потому, что увидел в густой траве, из которой как бы выросла ножка «гриба» несколько человек довольно причудливой наружности. Это были карлики ростом не выше тех, которых он видел когда-то в «Цирке лилипутов». Этот цирк когда-то очень давно гастролировал по области и заехал в районный центр. Тогда же и забрели на представление лесник Никодим Саввович вместе с сыном Гришуней, который тогда еще учился в первом классе. Тогда мальчик смотрел на невиданных артистов со смешанным чувством восхищения и жалости. Когда же во втором отделении один малютка клоун начал и тот разразился фонтаном слез, Гриша тоже да так горько, что отец был вынужден увести его. В детстве Гриша вообще очень часто ударялся в слезы по поводу и без повода. Впрочем, причина похныкать всегда отыскивалась. То казалось ему, что очень уж пренебрегают им родные братья и сестры (а у него их было целых пять), то, напротив, чересчур уж бурно душили они его в объятиях, то отец наградит оплеухой за одно-единственное уличное услышанное и дома повторенное слово, то мать отругает за опрокинутую чашку молока. Он рос, а странная привычка все не проходила. Бывало, смотрит кино или мультик какой-то, все смеются, скажем, над Чарли Чаплином или похождениями Лоскутика, а он вдруг как разревется. Так же остро и болезненно переживал он и стра-

дания книжных героев. За эти причуды его долго дразнили деревенские ребята. Но нынешней весной, когда Гришке исполнилось одиннадцать, когда он окреп и вытянулся и даже неожиданно для всех, а в первую очередь для самого себя осмелился «врезать» долговязому Ерохе из параллельного класса за то, что тот мучил приبلудного пса, соседские ребята его зауважали и даже стали приглашать на душевные посиделки с «трепом» и с гитарой. Но Гриша предпочитал все свое свободное время проводить в лесу с какой-нибудь книжкой. Отец и дед его были лесничими и родные чащи мальчик знал досконально. Он знал, где выют гнезда крикливые сойки, на каких полянах зайцы любят устраивать свои суматошные игры, ведомы ему были и самые изобильные грибные и ягодные места. Знал и то, что гигантских грибов в их лесу отродясь не водилось. Но, как мы уже упоминали, не только в грибах было дело.

Лилипуты, каждый ростом не более полутора метров, были одеты в причудливые наряды, сшитые, казалось, из бесчисленного множества разноцветных веревочек; на головах у них были блюдцеобразные шляпы с острыми кончиками, а на шее каждого был повязан пышный серебристо-серый шарф. Эти человечки с лицами цвета бледной моркови, казалось, бесцельно бродили по поляне, нагибались и срывали цветы, травки, тыкали в землю и в небо какие-то длинные, расширяющиеся к концу палки, время от времени окликакая друг друга тоненькими, щебечущими голосами. И страх, ко-

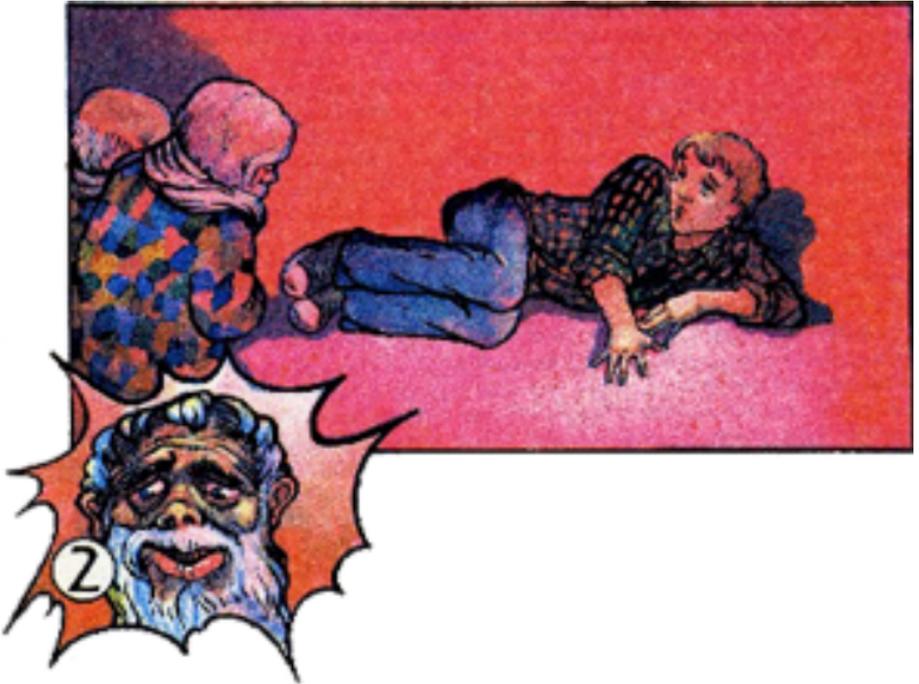
торый было поселился в душе Гриши в первые минуты, сменился умилением и радостным волнением. «Так вот они какие, – с нежностью подумал он, – пришельцы...»

Однако, дальнейшее течение его мыслей было прервано треском веток и раздавшимся за его спиной ревом, от которого замерло сердце. Ибо так реветь мог только медведь, а кроме Шалого в округе медведей не водилось. Шалый славился по всем окрестным деревням как отчаянный разбойник, дерзкий разоритель кошар и пасек, о его свирепых налетах на стада и курятники ходили легенды. Его неоднократно пытались изловить, однако от облав и охотников он уходил с виртуозной изворотливостью и, как заговоренный, избегал пуль и капканов.

Обернувшись, Гриша увидел выскочившего из-за поваленной осины карлика с длинной серой бородой, волочившейся по земле. Ее при этом он старательно придерживал руками, неся впереди себя, как невесть какую драгоценность. Он бежал, смешно взбрыкивая коленями и по-заячьи что-то отчаянно вереща, а за ним по пятам мчался здоровенный медведь с острой мордой и мохнатой шкурой темно-бурого, почти черного цвета. Неожиданно человек наступил на свою же бороду, споткнулся и кубарем покатился в кусты. Торжествуяще рявкнув, медведь прибавил шагу. Не долго думая, Гриша схватил первый попавшийся под руки предмет – это было почти полное лукошко с собранной им земляничкой – и швырнул в медведя. Тот немедленно оста-

новился и повернул голову. Очевидно, появление новой добычи привело его в превосходное расположение духа. Шалый ослабил, обнажив ряд острых, желтоватых зубов, и бросился на Гришу. Расстояние между ними не превышало трех метров. И мальчик уже видел налитые кровью, горевшие яростью глаза зверя, уже ощутил его смрадное дыхание, когда тяжелая, теплая волна нахлынула на него, закружила и понесла куда-то вдаль, отрешив его сознание от всего земного. Как, впрочем, и небесного.

Глава 2

– Ну, как чувствует себя наш отважный воитель?

Это звучный и резкий голос был слышен совершенно отчетливо. Гриша открыл глаза. Он находился в небольшом, довольно теплом помещении, погруженном в мягкий полумрак. Несколько необычным могло бы показаться, что в помещении этом не было ни единого острого угла и ни малейшего участка абсолютно ровной поверхности. Все казалось

обитым алым атласом, причем без швов и складок. Мальчик лежал на диване, составлявшим одно целое со стеной и полом. Перед ним находились трое карликов с обнаженными головами. Шевелюры их были того же серебристо-серого цвета, что и бороды и, образуя с ними один густой покров, окутывали их шеи пышными воротниками.

– Где я? – прошептал мальчик, попытавшись подняться, но один из пришельцев, мужчина с морщинистым лицом и расплюснутым, вздернутым кверху носом остановил его жестом.

– Ты у нас в гостях, на Фуррандане. А я – его любимый водитель, и зовут меня Флайт.

Одежда его походила на живописные лохмотья, сшитые из лоскутков разноцветного ситца, глаза смотрели дружелюбно и весело. Мальчик попытался было сесть на кровати и неожиданно уперся головой в мягкий и теплый потолок.

– Нет-нет, лежи, – встревоженным тоном проговорил другой лилипут с большой яйцеобразной и совершенно лысой головой, – слишком резкие движения могут сбить твою ориентировку в пространстве и вызвать головокружение. Ты хорошо нас понимаешь? Как тебя звать?

– Меня зовут Грися... Грисей... Гри... – Гриша напрягся, пытаясь выговорить собственное имя, последние буквы которого ему отчего-то не давались.

– Не трудись, – вмешался третий, плечистый, коренастый коротышка с морщинистым лицом, цветом и формой напо-

минающей печеное яблоко. – В нашем языке нет звука, который ты пытаешься произнести. Поэтому мы будем звать тебя Грисом. Ты не против?

– Да, хорошо... – согласился мальчик и тут же встрепенулся, – Но я же сказал «хорошо». А значит этот звук...

– Не будем вдаваться в лингвистические тонкости, – заявил Флайт. – Видно, ты еще недостаточно хорошо освоился со своим «умником». Сейчас ты говоришь с нами на языке фарарийцев. Этим бесценным даром – общаться с любым существом во Вселенной на удобном для вас языке, мы тебя наделили во время сна и лечения. Лечил тебя мой брат, доктор Флопп, – он указал на лысого, – а другой мой брат, пилот Флийт заботливо вырастил «умников» для тебя и для твоего зловредного врага.

– Каких умников? – недоумевал Грис (так будем именовать его и мы). – Для какого врага?

– Того самого, от которого ты спас моего безрассудного брата Флоппа, – продолжал капитан Флайт. – Он у нас дипломированный врач по внутренним болезням, каковые хоть пока и минуют наш Фуррандан, но от коих пока никто еще не застрахован.

– «Фуррандан» – это название корабля? – спросил Грис. Капитан пожал плечами.

– При чем тут корабль? Корабли плавают по воде, – объяснил Флийт.

– Ну... я имел в виду звездный корабль, – пояснил маль-

чик. – Звездолет.

Флайт и Флийт переглянулись и недовольно фыркнули.

– Не путай наш прекрасный Фуррандан с какой-то глупой железной летучкой, – строго сказал капитан. – Фуррандан есть Фуррандан – и хватит об этом.

– А теперь, – сказал Флийт, – позволь нашему кожевеннику Флэнну снять с тебя мерку, дабы ты смог одеться, как того требуют приличия и правила гигиены.

Взглянув на собственные застиранные и залатанные на коленях штаны и великоватую перешитую отцовскую ковбойку, Грис покраснел.

Вошедший коротышка был совершенно миниатюрного роста, не выше первоклашки. В руках он держал длинную серебристую змейку, которая, повинуясь взмахам его руки, моментально обвилась вокруг тела мальчика раз, и другой, и третий, в разных направлениях, распустилась и вновь свилась, обвила шею хозяина и что-то прошептала ему на ухо, лукаво поглядывая на мальчика. Затем портной откланялся и удалился, бормоча под нос нечто вроде заклинания.

– Не желаешь ли подкрепиться? – предложил Флайт, широким жестом приглашая мальчика к выходу. Он поднялся и прошел вслед за инопланетянами очень узким, извилистым и постоянно содрогающимся коридором. По пути Флопп неожиданно отстал. Обедали они втроем. Обеденная зала была несколько меньше по размеру, чем комната, в которую поначалу поместили Грису. В центре ее стоял относи-

тельно ровный стол и пышные мягчайшие кресла, которые, казалось составляли одно целое с полом и были одной с ним ровной кумачовой окраски. Все уселись за стол и Грис, который понемногу свыкся со своим новым именем и необычной обстановкой, уже открыл было рот, чтобы осведомиться о цели приезда собратьев по разуму, местоположении их родной планеты и о чем-то еще, о чем принято спрашивать собратьев космоса, когда капитан Флайт неожиданно спросил:

– Скажи-ка, друг мой, а тебе ничего неизвестно ли о таком... э-э... как бы это выразиться, не предмете, нет, а, скажем, о понятии, да-да, вот именно, о таком понятии, как «центр мироздания», а?

– О чем, о чем?

Братья многозначительно переглянулись.

– Центр Ми-ро-зда-ния! – раздельно произнес Флайт, в упор глядя ему в глаза. – Иначе – Срединный Мир.

– Н-не-ет, ничего, – пробормотал Грис. – А что это такое?

– Он не лжет, – поморщившись, отметил Флайт. – А это плохо.

– Значит лгал другой, – сказал его брат. – А это – гораздо хуже.

– Вас кто-нибудь обманул? – встревожился мальчик.

– Да как тебе сказать? – капитан пожал плечами. – Вот, взгляни, тебе это ни о чем не говорит? – и протянул листок бумаги.

Там было написано довольно странной вязью, которую Грис совершенно неожиданно для себя прекрасно понял:

На шаре голубом по счету третьем,
В Спирали на краю Водоворота,
Среди лесов стоячих кто-то встретит
То, что давно уже предмет заботы
Семи миров, пластей и плоскостей,
Что даст нам первый витязь средь детей.

Прочитав это, Грис неожиданно для себя развеселился:

– А что, разве бывают леса и не стоячие? – ему эта строчка показалась ужасно нелепой.

Капитан взглянул на пилота и тот, вздохнув, ответил:

– Мы облетели четыреста двадцать семь миров, пока встретили хотя бы один стоячий лес. Действительно стоячий, как на твоей планете. Хорошо, что ты не видел лес летучий. А что говорить о лесе прыгучем, ходячем... Вообще, деревья – это ужасно своенравные создания. Никогда не знаешь, чего от них ожидать.

– Но тогда, может быть, это – не совсем деревья?

– Вот именно. А что это такое – никто не знает, но нас это, впрочем, и не интересует.

– Послушай, парень, – задушевым тоном спросил капитан, – а ты случайно не витязь?

– Н-не-ет... – робко протянул Грис.

– А может быть, ты отличился какими-то грандиозными подвигами, а?

– Да вроде бы тоже нет... – Грис покраснел. Он и впрямь не числил за собой никаких особенных геройств. Не считать же за подвиг то, что он за щенка вступился. Да и давно это было. А то, о чем он трепал ребятам – вообще сплошная выдумка, про это и вспоминать не стоит, пока инопланетники не засмеяли.

– Странно-странно, – качал головой Флайт, – а между тем в этой бумаге довольно точно зашифрованы координаты твоей планеты, ее местоположение в нашей Галактике, более того, в международной системе координат количество гласных в тексте соответствует широте, а согласных – долготе места, куда мы прибыли довольно точно... Нет, нет, ошибки быть не может.

– А может быть, здесь что-то напутали? – предложил Грис.

– Этому манускрипту более трехсот лет, в подлинности его убедились ученейшие мужи трех миров. Более того, мы почти уверены, что он пришел к нам из Обратного Мира, а значит это пророчество о том, что уже свершилось.

– Из обратного? – переспросил Грис.

– Ну да, из того, где время идет в другую сторону. Ну что ж тут делать, – вздохнул капитан, пригладил свою роскошную бороду, поднялся и с чувством произнес:

– О могучий Фуррандан, лучший и прекраснейший из всех Фурранданов, которые когда-либо фуррычили и фуррыкались во Вселенной нашей и не нашей, на семи пластях и двадцати двух плоскостях, на торцах и на кромочках, вниз, вверх, вглубь и поперек, как во времени, так и вне его, яви нам свою живительную силу, вдохни в нас частицу своего могучего духа, дабы мы еще громче и ладнее хвалили и воспевали тебя в вековечном своем фурролете.

С этими словами капитан сел в кресло и погрузился в сосредоточенное молчание. Запахло копченым. Грис сглотнул слюну. Он приготовился к тому, что сейчас откуда-то выползет лента-транспортёр, установленная диковинными инопланетными яствами. Или что они внезапно возникнут посреди стола. А что если появится робот-официант и железным голосом проскрежешет: «Чего изволите?» Но ничего, ровным счетом не происходило. По примеру Флайта и Флийта он тоже закрыл глаза. Запах копченого усилился, но ни тарелок, ни вилок, ни каких-либо приборов на столе не появилось. Наконец капитан с братом поднялись, умиротворенные и повеселевшие.

– Ну вот, – довольно сказал Флайт, – теперь мы можем заняться делами. Ты уж извини нас, но нам необходимо заняться мозжечком.

– А... обед? – с удивлением спросил Грис.

– Разве ты не наелся? – с удивлением спросил Флайт. – Разве не почувствовал прикосновение незримой и невесо-

мой, но тем не менее ощутимой силы, которую влил в тебя Фуррандан непосредственно сквозь поры кожи? Разве тело твое не окрепло, а дух не возрадовался, впитав в себе частицу вселенного эфира?

Вид у него был при этом до того недоумевающий, что Грис смутился.

– Да вы не волнуйтесь, – сказал он, слегка покраснев, – я понимаю, наверное у вас иной способ питания, не такой, как у нас. Я сейчас сбегая домой, пообедаю, а потом...

Переглянувшись с Флийтом, капитан Флайт задумчиво поиграл кончиком своей желтоватой бороды.

– Я про вас никому не расскажу, – твердо пообещал Грис, – Даю вам честное-пречестное слово!..

– Увы, друг мой, – со вздохом сказал Флайт, отводя глаза в сторону. – Самое печальное, это то, что ты еще очень не скоро сможешь попасть домой...

– Ты напрасно отчаиваешься, – увещивал Гриса портной Флэнн, раскидывая перед ним обширный ворох разноцветных одежд. – Вот примерь-ка этот плащ и кафтан.

Глава 3

– Не хочу... ничего не хочу!.. – Грис плакал не переставая. – Домой хочу! К ма-а-ме хочу! К папе! Зачем вы меня укра-а-али?!..

– Как ты не понимаешь: мы просто не могли поступить иначе! – кожевенник развел руками. – Мы только-только подняли тебя, стали приводить в чувство, как вдруг в небе

появилась такая ужасная железная машина с длинным хвостом и грохочущим винтом – и нам пришлось срочно исчезнуть.

– И очень напрасно! – воскликнул мальчик. – Наши бы ничего вам не сделали. Они только хотели с вами познакомиться, подружиться...

– Достаточно и того, что мы ненароком забрались на чужую территорию. Ты просто не представляешь себе, какими бы это могло быть чревато неприятностями для братства.

– Это для Флийта с Флайтом?

– Не только. Вообще для всего нашего братства.

– Так ты тоже их брат?

– Конечно. Вообще все мы – дети Фуррандана, а следовательно братья, как по крови, так и по духу.

– Так что же, – Грис прыснул, – этот звездолет... ваш папаша, что ли?

Флэнн поморщился.

– Прошу тебя больше не произносить при мне этого гнусного слова. И прекрати сравнивать наш славный, добрый, умный, честный, самый лучший в мире Фуррандан с какой-то там летучей железякой!..

– Ваш Фул... Фур... – на глаза мальчика вновь навернулись слезы, – ваш летающий гриб украл меня, а вы... вы...

– О, Параллели и Перпендикуляры! – возопил кожевенник. – О Пласти и Плоскости! Не будь столь же неразумным, как твой бешеный зверь, который уже изгрыз Фурран-

дану половину диафрагмы и вот-вот примется за кишечный тракт. Одевайся поскорей, пока ты окончательно не отошал.

– Так вы и Шалого взяли? – оживился Грис. – А он где сидит?

– Здесь, неподалеку, – отмахнулся Флэнн. – На редкость глупое существо. «Умник» бьется над ним уже третьи сутки, но с трудом выучил его хотя бы двум словам.

– Но ведь это же медведь! – воскликнул Грис. – Это просто

животное. И не надо его ничему учить, просто накормите его. Покажите мне его, пожалуйста.

Но кожевенник оставался неумолим, и лишь когда мальчик облачился в просторное одеяние, довольно тяжелое по весу и слегка отдававшее запахом копченостей, и стал похожим на разноцветный пушистый шар, согласился провести его к медведю.

Путь оказался вовсе неблизким. Они шли коридорами, порой врезавшимися в обширные тоннели, пересекали помещения с довольно-таки причудливой архитектурой, которые постоянно равномерно вибрировали, подчиняясь пульсации могучего организма Фуррандана. В помещениях было временами очень душно, порой довольно смрадно, но Грис к своему удивлению обнаружил, что совершенно не вспотел, напротив, с той минуты, как он одел свой новый наряд, в нем как будто прибавилось сил.

В самом дальнем закутке Фурранданова организма (где-то в области эузогамуса) Флэнн несколько раз постучал по стене, как-то по-особому фыркнул – и стена вдруг раздвинулась, образовав обширное отверстие, откуда донесся знакомый рев, от которого у Гриса подкосились ноги, несмотря на то, что звуки эти и были гораздо менее звучными, чем действительный рев медведя. Однако его провожатый без колебаний ступил за порог, и Грис последовал за ним. Они вошли в помещение сферической формы, стенки которого фосфоресцировали мягким зеленоватым светом. С потолка свиса-

ла какая-то грубая серая тряпка. Грис огляделся и увидел...

– Что это такое? – растерянно спросил он.

– Как «что»? – переспросил его спутник. – Твой зверь.

Мишка лежал на полу и натужно ревел, силясь порвать или перегрызть путы, которыми были перетянуты его передние и задние лапы. Такими же прочными нитями была связана и его морда. Это был тот самый Шалый, который прослыл в округе лихим разбойником и неисправимым мароде-ром, тот, который в позапрошлом году задрал четырех коров, в прошлом – придушил овцу, а в этом чуть было не добрался и до самого Гриса, но теперь этот легендарный зверь вряд ли смог бы кого-либо испугать, ибо размерами своими не превышал самого юного медвежонка. Пожалуй, теперь с ними шутя справился бы и соседский куцехвостый Тузик.

Сердце мальчика болезненно сжалось.

– Зачем вы его так? – воскликнул он, бросаясь к медведю. – Что вы с ним сделали?

– Мы? – Флэнн был слегка удивлен. – Мы его микротизи-ровали. Сам посуди, не могли же мы такую махину зата-щить в Фуррандан. И что бы он тут натворил при своем буй-ном нраве!

Присев на корточки, Грис запустил пальцы в густую мед-вежью шерстку. Шалый заныл еще жалостливее.

– Немедленно развяжи его, – потребовал мальчик.

– Но он опять начнет рвать нежные ткани, – возразил ко-
жевенник. – А ведь их не так-то просто нарастить.

– Прежде, чем брать медведей в космос, надо было поду-
мать, чем их кормить, – отрезал Грис. – Или ты его немед-
ленно развяжешь, или я пойду жаловаться капитану. В кон-
це концов то, что вы сделали, называется браконьерством! У
нас за это под суд отдают! В нашей стране медведей красть
не разрешается. Это... нарушение закона!

Флэнн всплеснул руками:

– Еще одно нарушение закона! Клянусь сердцем Фурран-

дана, и откуда столько законов на наши многострадальные головы! Стоит только где-нибудь опуститься и – нб тебе, уже какой-нибудь закон да нарушишь! О, многострадальный Фуррандан – за что тебя так терзают! – воскликнул он, распуская связывающие медведя путы.

Однако, получив свободу, Шалый без всякого чувства благодарности оскалился и чуть было не схватил фарарийца за лодыжку. Грис взял его на руки и крепко прижал к груди. В обращении с ним медведь неожиданно обнаружил ласковый норов, облизал ему все лицо и не совсем внятно, но все же отчетливо прорычал:

– Жр-ра-а-ть!

В первые мгновения Грис был так поражен, услышав это, что едва не выпустил медведя из рук.

– Ты... ты научился говорить? – восторженно спросил он Шалого.

– Пи-ии-ить... – протянул медведь, лизнув мальчика в нос. – Жраа-ать...

– Ну да, умеет, а что тут такого? – Флэнн пожал плечами. – Мы в него засадили «умника», но так-таки ничего особенного и не добились. Твой враг оказался на редкость тупой скотиной: за трое суток едва удосужился выучить два слова.

– Но ведь медведи вообще не умеют разговаривать! – Грис не мог прийти в себя от изумления. – Как же вы... И что еще за умники?

– Вообще-то все живые существа умеют разговаривать, –

объяснил Флэнн. – Просто каждый разговаривает по своему. Одни обмениваются мыслями, другие запахами, третьи – волнами, четвертые – звуками, как мы с тобой. В одних языках слов побольше, в других – поменьше. А «умник» – это... такое... такой...

– Прибор? – подсказал Грис.

– При чем тут прибор? – удивился Флэнн. – «Умник» – это живой организм, такой зверек вроде уховертки. Он питается мыслями...

– Как так «мыслями»?

– Вернее, биоэлектрическими колебаниями, возникающими в мозге при мышлении, а особенно при разговоре. Он же и переводит течение мыслей чужого существа на общепотребительный всепространственный язык...

– «Интерлинг»! – вспомнил мальчик выражение, часто встречающееся в фантастических романах.

– Называй это как хочешь, – улыбнулся Флэнн, – главное, что обзаведясь «умником», любое живое существо получает возможность выразить свои мысли на всем доступном языке.

– Так что же, этот ваш «умник так и сидит во мне? – озабоченно спросил мальчик. – А как вы в меня его посадили?

– Очень просто, через ухо, – объяснил Флэнн.

При этих словах ухо Гриса отчаянно зачесалось. Он полез было мизинцем в ушную раковину, но провожатый схватил его за руку.

– Не смей даже думать об этом! Подобные поползновения «умник» может расценить, как покушение на свою жизнь – и жестоко накажет за это. Разве плохо, что ты получил возможность общаться с нами, да и вообще со всеми живыми существами, не изучая их языка, не тратя годы на склонения, спряжения и произношения, не обзаводясь переводчиками или лингвистическими машинами?

– Жр-р-ра-ать! – жалобно простонал Шалый и до того тоскливо поглядел на Грису, что мальчик расстроился.

– Я немедленно пойду к капитану Флайту, и пусть он какими угодно путями, а раздобудет корм для зверя. И еще, хорошо бы его поместить где-нибудь поблизости от меня. И положить ему какую-нибудь подстилку... Можно, я возьму этот мешок?

С этими словами Грис опустил медведя на пол и потянулся за висевшим на стене мешком. Но тот метнулся в сторону, запищал, и его складки неожиданно обрисовали довольно странную матерчатую физиономию.

– Но-но! – воскликнул Мешок. – Не прикасайтесь ко мне и не смейте подкладывать меня под это некультурное создание! Я вам не какой-то там мешок. Я – Пшук!

– Кто? – испуганно переспросил Грис.

– Пшук! – гордо прошипел мешок. – Я – полноправный, действительный и полномочный представитель цивилизации пшуков на всех территориях и требую, чтобы ко мне относились с должным почтением.

– Но... разве бывают разумные мешки? – с удивлением спросил Грис у Флэнна, на что тот фыркнул и пренебрежительно махнул рукой.

– Какие уж там разумные. Мешок – он и есть мешок. Ишь, развоображался... А ну, ложись, кому говорю!

Мешок покорно опустился на пол и захныкал:

– Только скажите ему, чтобы он меня не грыз. А то во мне

лежит такое... такое...

– Что? – любопытствовал Грис.

– Да ничего в нем нет! – отрезал фарариец. И прикрикнул: – Ложись и веди себя смирно! А ты, – он строго взглянул на медведя, – не смей распускать свои зубы!

Но медведь уже нашел себе занятие. Он усердно вцепился в Грисову одежду и изгрыз и прожевал уже изрядный кусок рукава.

– Ну что ты тут будешь делать! – в отчаянии воскликнул кожевенник. – Два дня работы! Растить, формовать, коптить, а он... Нет, я свяжу тебя так, что ты...

– Оставь его! – сказал мальчик, погладив миниатюрного мишку. – Пусть глодает, раз ему нравится, – и, принявшись к своей одежде, с удивлением отметил: – К тому же она очень вкусно пахнет... копченой ветчиной. – И оторвав кусочек от воротника он с аппетитом сжевал его.

– Это и есть хорошо прокопченные волокна Фуррандана, – подтвердил Флэнн. – Но одеваем мы их не для того, чтобы есть. Видишь ли, правильно приготовленная плоть нашего повелителя обладает удивительной способностью улавливать выделяемую Фурранданом амброзиальную субстанцию и перекачивать ее непосредственно в наш организм... – с этими словами фарариец умолк с видом весьма обескураженным, ибо слушая его, мальчик съел почти половину своего нового наряда.

– Ты извини меня, – слегка смутившись сказал он, встре-

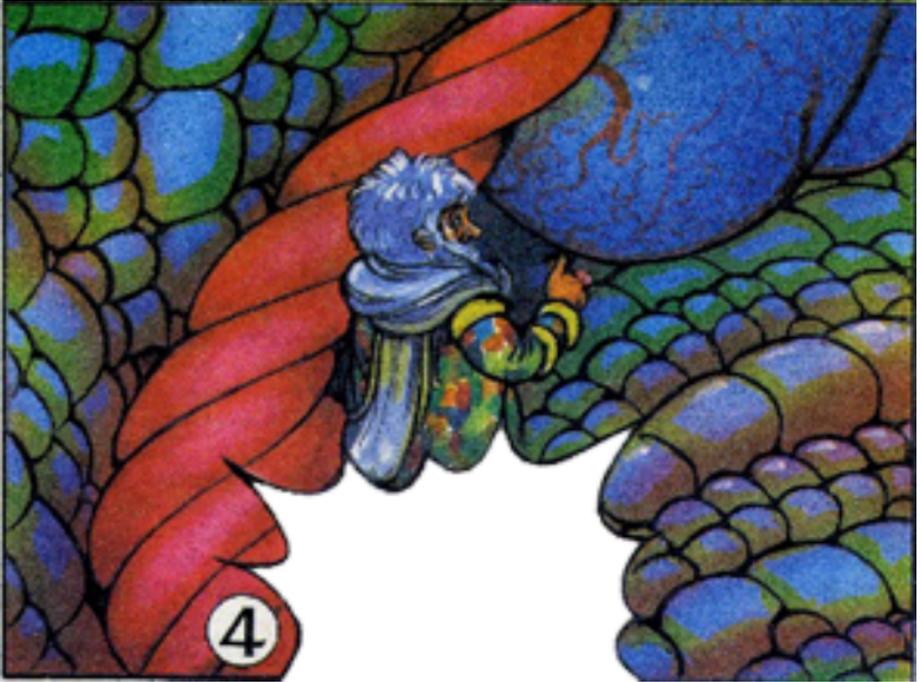
тив потрясенный взгляд Флэнна. – Но мне твоя одежда так понравилась. Она... такая вкусная... Ну совсем как сервелат.

Флэнн развел руками.

– Ну что мне теперь с тобой делать? Придется для тебя выращивать ежедневно по килограмму рукавов.

– А с учетом Шалого, так даже два, – добавил Грис, поглаживая увлеченного едою медведя.

Глава 4

В течение следующих двух дней Грис в сопровождении неразлучного теперь с ним Шалого облазил почти все помещения удивительного живого звездолета, в какие только допустили его невольные похитители. Фуррандан был уникальным организмом, приспособленным к любым передрягам и опасностям, которые только могли приключиться в голубом космосе, в самых дальних и трудных путешествиях.

По лабиринту его бесчисленных кишок-коридоров причудливо извивались обширной сетью сосуды и нейроны, в венах и артериях пульсировала светящаяся кровоподобная жидкость, которую его могучее сердце ровно и неумолимо перекачивало в самые дальние закоулки гигантского организма. Как правило, он сам по себе работал вполне прилично. Но за здоровьем Фуррандана внимательно следили разбросанные по различным ответственным органам братья-фарарийцы. Весьма неприлично для чужого уха звучали такие понятия, как «старший печеночник», «зам. главного пищеварителя», «помощник кишечника» и тому подобные. Однако все тридцать пять братьев прекрасно освоили свои обязанности за долгие годы странствий.

Когда у них находилось время, фарарийцы охотно беседовали с Грисом, рассказывали о виденных ими звездах и планетах. Когда же мальчик переводил разговор на самую главную для него тему, когда спрашивал, скоро ли они прилетят или когда вернутся на Землю, – коротышки предпочитали отмалчиваться и вообще отводили глаза.

– Напрасно ты от них чего-то ждешь. – сказал ему однажды Пшук.

– Все как? А сколько мне лет? – ехидно поинтересовался Грис.

– А чего не знаем, того и знать не нужно, – самодовольно ответил Пшук.

– Что значит «не нужно»? Люди всегда стремятся узнать

как можно больше.

– То-то и оно, что «люди»! Вот вы, наверное и ищете все чего-то, ловите, деретесь, путешествуете, гибнете почем зря. А мы, пшуки, избрали для себя самое достойное, самое приятное, самое возвышенное, умозрительное существование. И потому чувствуем себя превосходно. И живем счастливо.

– Даже здесь? В неволе?

– А почему бы и нет? – удивился Пшук. – Вот если бы только не постоянные попытки твоего зверя укусить меня, самочувствие мое было бы просто великолепным.

– Кстати, Пшук, – неожиданно заинтересовался Грис. – Ведь в языке фарарийцев нет звука «ш» – правильно? Но вот когда я хочу сказать «Шалый», – медведь заурчал, – видишь у меня этот звук получается. Или когда я подумаю о своем имени, в уме оно у меня прекрасно выговаривается. А когда хочу произнести, то получается «Грис» – и никак иначе. Отчего так происходит?

– Все очень просто, – ответил Пшук. – Не знаю, что обозначало это звукосочетание «шалый» в вашем языке, но «умник» его переводит, как «шаловой», «несносный», «невозможный», «безумный», так ты его и зовешь, что, кстати, довольно верно. То есть ты думаешь, что говоришь «ш», а на самом деле произносишь совершенно другое.

– Но почему тогда, – не унимался мальчик, – стоит мне подумать «Пшук» и ты тут же откликаешься, хотя произнести твое имя я тоже не могу.

– И тут все совершенно элементарно, – объяснил Пшук, – я же говорил тебе что мы, пшуки, самые мудрые существа во Вселенной. Мы не тратим наших драгоценных сил на раскрытие рта, на вибрацию слуховой мембраны или голосовых связок. Вместо того, чтобы издавать или воспринимать звуки, мы просто обмениваемся мыслями.

– Так значит ты... читаешь у меня в голове? – поразился Грис.

– Конечно.

– И сейчас я слышу твои мысли?

– Разумеется.

– И ты можешь прочесть чьи угодно мысли?

– Естественно.

– И капитана?

– Несомненно.

– Послушай, – оживился мальчик, – а что если ты так тихо шепнешь ему, то есть Флайту, что, вот, «хорошо бы вернуть Грису на Землю»... а? Ну, так, чтобы он сам об этом подумал?

– Не знаю, не знаю, не пробовал... – с сомнением пробормотал Пшук. – И пробовать не буду. Ведь Флайт может догадаться об этом. А тогда мне придется худо. Он может обозлиться и приказать открыть меня. Или того хуже – вывернуть наизнанку. А ведь во мне лежит такое... такое!..

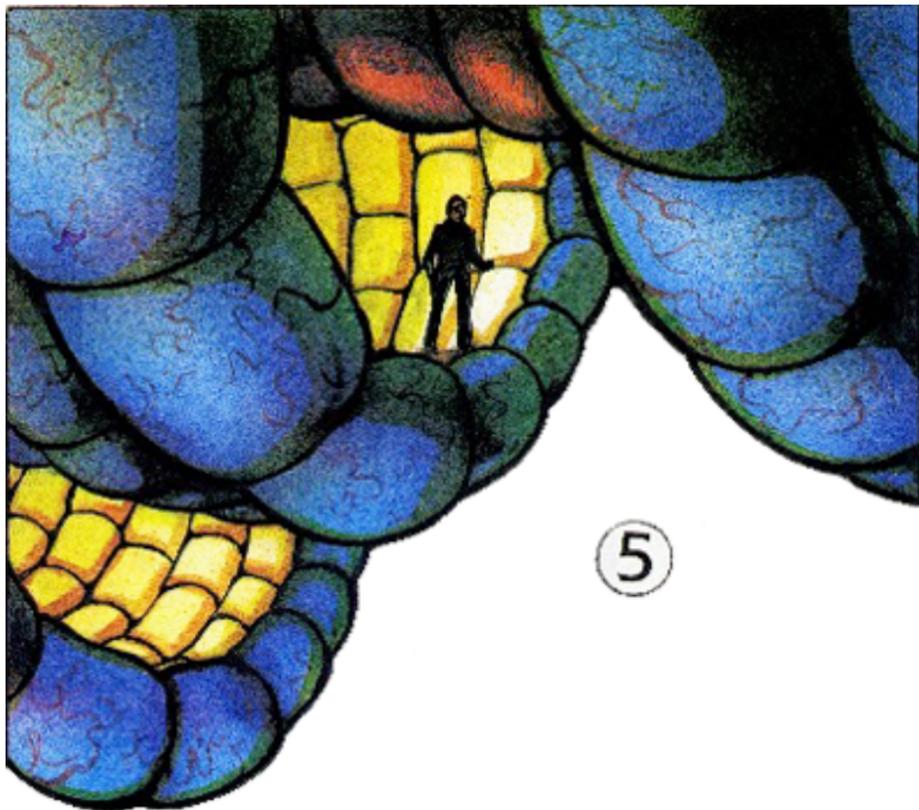
– Что же такое в тебе лежит?

– Я и сам не знаю что, – подумав признался Пшук, – но по-

дозреваю, что что-то очень важное. И потому предпочитаю не рисковать. Мы, пшуки, никогда, нигде и ничем не рискуем и потому считаемся самыми мудрыми существами во Вселенной! – важно заключил мешок.

Глава 5

На утро пятого дня с момента пробуждения Грися на корабле инопланетян, мальчик отправился в командный отсек, в котором он до сей поры не бывал. Как он понял из разговоров с командой, Фуррандан в противовес всем рассужде-

ниями о космических перелетах двигался не вперед шляпкой и не вниз ею, а как-то боком. Таким образом, по его рассуждениям, командный отсек, расположенный в черепе Фуррандана, в непосредственной близости от головного мозга, должен был находиться в том месте, откуда начинался раструб шляпки. Во всяком случае, так выходило из чертежей, которые он себе приблизительно набросал. Они оказались верными. Он прошел мимо «селезенки», перебрался через «желудочно-кишечный тракт», который у Фуррандана располагался где-то у области «среднего уха», обогнул «правую почку» и оказался у самого входа в «носоглотку», куда сходились основные рецепторы, управляющие обширным мозгом Фуррандана. Миновав обширный грот, где гулко отзывался каждый его шаг, Грис переступил порог и застыл на месте. Прямо перед ним на полу сидели Флайт, Флийт и второй пилот Фульль и глядели на него во все глаза. Впрочем, это только вначале казалось, что они смотрели на него. На самом же деле они внимательно вглядывались в обширное выпуклое зеркало, расположенное неподалеку от входа.

– Приветствую тебя, отважный витязь! – сказал Флайт, не отводя глаз от экрана.

– Я не витязь.

– Как же не витязь, когда ты так ловко укротил этого свирепого медведя, так он кажется, у вас зовется?

– Это было нетрудно.

– Твоя скромность под стать отваге, – похвалил Флайт. –

Если хочешь, садись рядом, посмотри, только не отвлекай меня. – Грис сел на пол, который был мягче самого мягкого пуховика, взглянул на экран, и застыл, зачарованный поразительными картинами, развернувшимися перед его взором. Главное, что поражало – это буйство красок. Они переливались всеми цветами радуги и били в глаза с силой мощного прожектора. Сначала Грису даже пришлось зажмуриться, но вскоре он смог различить отдельные цветовые пятна, которые постепенно группировались в нечто цельное. Вначале ему показалось, что перед ним снятый с высоты быстро летящий камерой густой лес деревьев темно-серого, синего, фиолетового оттенков. Эти причудливые растения или создания громоздились друг на друга, карабкались вверх все выше и выше до самого солнца, крохотного и пурпурного, которое висело над черно-лиловым горизонтом.

– Переменная звезда... – пробормотал Фуль.

– Повышенный радиационный фон, – в тон ему добавил Флийт.

– Двигайтесь, дурни, двигайтесь!.. – вдруг закричал капитан. – Фон повышается. Не иначе, как она двойная, вот вот взойдет какое-нибудь чудовище вроде рентгеновского барстера! Живее драпаем отсюда!..

Пилоты быстро протянули руки к переплетениям тонких беловатых волокон, которые, подобно паутине, висели в углу помещения. Фуррандан вздрогнул. Изображение на экране сменилось угольной темнотой ночи, в которой расцветали

мельчайшие серебристые искорки звезд.

– Погасшая звезда и никакой атмосферы, – с удрученным видом проговорил Фуль, запуская руку в паутину.

Корпус звездолета вновь задрожал. Его сильно встряхнуло.

– Полегче, – бросил Флайт.

Изображение на экране представляло собой нагромождение разнообразных чудовищной величины обломков, которые неслись друг за другом в стремительной круговерти.

– Пояс астероидов, – вздохнул Флийт. – И что, интересно, он опоясывает?..

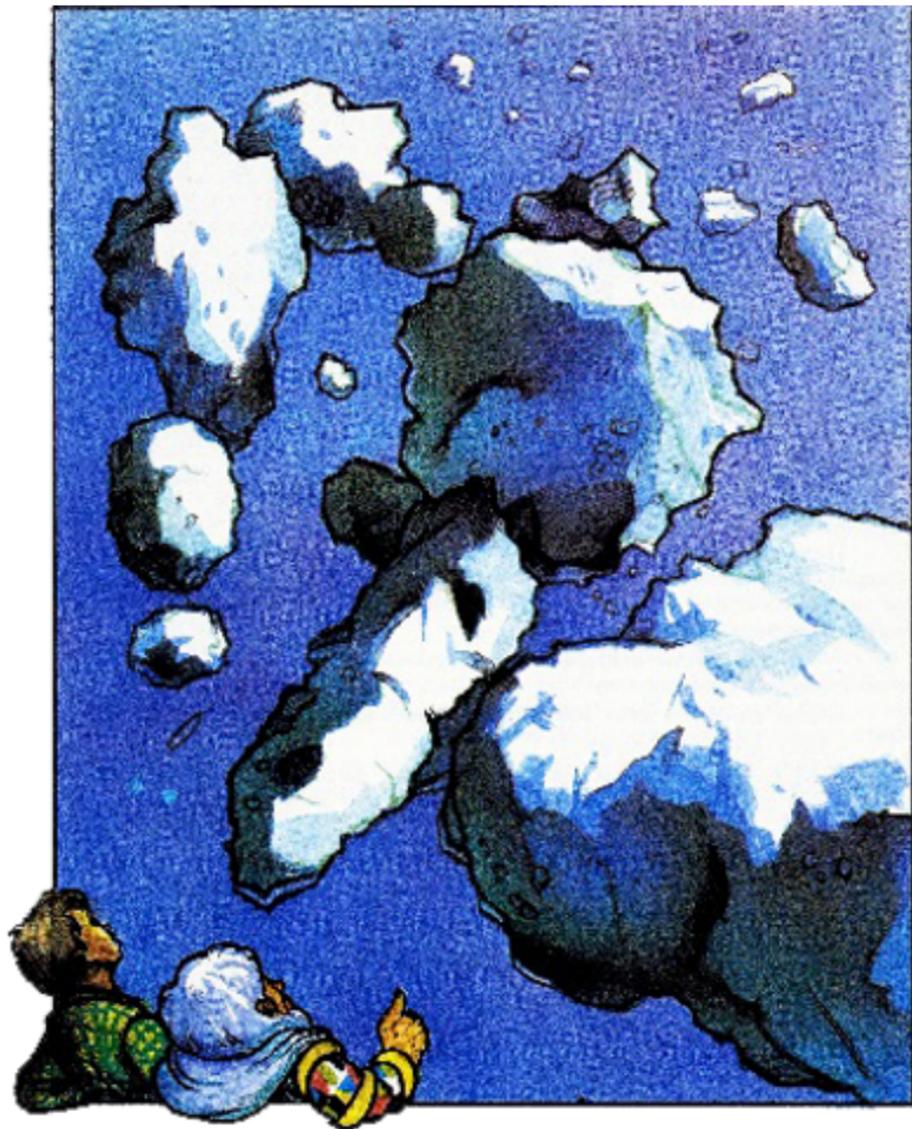
– Мне так это совершенно неинтересно, – отрезал капитан. – Эти молодые голубые гиганты абсолютно бесперспективны.

– Какие гиганты? – не понял Грис.

Тот улыбнулся и потрепал его по шевелюре.

– Голубые гиганты – это огромные и очень яркие звезды. Покажите ему, братцы.

Изображение на экране сместилось чуть в сторону и перед глазами предстало иссиня-белое кипящее марево. В отсеке сразу стало светлее. Грису показалось, что он приоткрыл крышку и заглянул в котел с кипящей фосфорической жидкостью. Она бурлила и содрогалась, выбрасывала струи яркого голубоватого пара и неимоверно длинные языки пламени, которые неистово вертелись, отрывались и таяли в бездонной черноте космоса.

– Возле таких звезд, как правило, не находят населенных планет, – пояснил капитан. – Надо поискать обычную желтую звезду.

– По-моему в этой Плоскости мы уже все осмотрели, – ответил Флиит.

– Вы так быстро летаете между звездами? – поразился мальчик.

Пилоты переглянулись и засмеялись. А Фульль, тот даже подмигнул Грису. Он был самым молодым из команды, и его борода обвивала шею всего на полтора оборота.

– Мы вовсе не летаем между звездами, – снисходительно пояснил Флайт. – Для этого служат звездолеты, чтоб они все проржавели. Надеюсь, на твоей планете не строят этих дурацких звездолетов?

– Пока нет, – ответил Грис, – но... мы уже начали выходить в космос.

– А это еще зачем? – удивился Флайт. – Там холодно. Да и опасно.

– А как же нам еще прикажете добираться до других планет? – набычился Грис. – Или вам можно, а нам нельзя?

– Для того, чтобы бывать на других планетах вовсе необязательно выходить в космос, – пробасил Флиит, не отрывая взгляда от экрана, на котором вновь сменилась картина и теперь бушевали и разбивались о скалы могучие океанские валы.

– Да-да, объясни ему, Фульль, а ты, Флиит, поищи-ка су-

шу, – распорядился капитан.

Пилот нажал на участок паутины, и вновь на экране замелькали быстро проскакивающие картины безбрежного моря. А молодой Фульль, высвободив руки из тросов подо-звал к себе Грису, указал ему на место возле себя и сказал:

– Наверное, вы изучали в школе правило, по которому кратчайшее расстояние между двумя точками есть прямая линия. Так?

– Ну, так.

– А значит, делали вывод ваши учителя, чтобы достичь какого-то очень отдаленного места, скажем, другой звезды, необходимо соорудить какое-нибудь приспособление вроде ракеты, разогнать ее посильнее и мчаться, никуда не сворачивая. Так?

– А как же иначе?

– Но это ведь очень неудобно! – воскликнул Фульль. – Большие скорости чреваты столкновениями, на человека действуют силы инерции, центробежная, гравитационные, магнитные. Что же касается полетов на другие планеты, то к ним любой ракете придется лететь целые месяцы, а к другим звездам – столетия! А такой срок не сможет прожить ни один человек, правильно?

– Правильно.

– Ну так вот, все это совершенно неправильно, – усмехнулся Фульль. – Вернее, все это так, но до определенной степени. Большие скорости и реактивные двигатели потребны в

тех случаях, когда расстояния слишком незначительны. Но и те можно перекрывать, не прибегая к скоростям. Вот тебе две точки, – достав из кармана лоскуток ткани, не отличимой от бумаги, и карандаш, Фуллер поставил на ней точки. – Соедини их кратчайшей линией.

Подумав, Грис провел как можно более ровную линию и взглянул на Фулля. Вместо ответа тот сложил лист вдвое и проткнул его карандашом.

– Ведь так будет короче, не правда ли?

Бросив на него нахмуренный взор Флайт крикнул:

– Зачем ты его учишь всяким глупостям?

– Это я так, к примеру, – виновато сказал пилот и тихо шепнул Грису. – Так летают звездолеты. Это способ чрезвычайно дорогой и к тому же чрезвычайно вредный для пространства.

– Разве можно навредить пространству? – удивился Грис.

– Конечно, ведь пространство неразрывно связано с временем, а с этой категорией шутки плохи...

При этих словах капитан поглядел на пилота столь свирепо, что тот покраснел, отвернулся к своему многожильному пульту и запустил руку в переплетение волокон с видом чрезвычайно озабоченным. Грис отодвинулся к Флийту и спросил:

– Но ведь космос – это не лист бумаги. Разве его сложишь вдвое?

– Вдвое можно сложить не космос, а пространство и вре-

мя, им занимаемые, – объяснил пилот. – И вообще, при чем тут космос? Мы ведь не в космосе путешествуем, – и сам же ответил на немой вопрос в глазах собеседника: – мы летаем сквозь Вселенные.

– Но... разве Вселенная не бесконечна? – поразился Грис, познания которого базировались на школьных курсах физики и астрономии. Пилот, казалось, был удивлен.

– Все, что имеет начало, должно иметь и конец, – сказал он, поразмыслив. – Но мы, признаться не забирались к концу какой-нибудь Вселенной, там, где она переходит в другую. Да нам это и не надо. Мы проскакиваем сразу сквозь миры. Наш Фуррандан – не какой-нибудь там звездолет. Это – мироходец!

– Вселенная одна у нас, у вас и у них. И почти у всех Вселенная – это ледяная пустота, набитая разреженными газами и раскаленными звездами. Но в разных плоскостях Вселенной лежат миры, и все они разные, и у каждого свои законы. Близкие друг к другу миры со сходными законами природы мы именуем Пластовыми, то есть лежащими на одной Пласти, из одного без труда можно попасть в другой, откуда в третий и так далее, до седьмого. И так как эти миры вращаются один относительно другого, то иногда они для краткости именуются Жерновами, наподобие мельничных.

– Значит их всего семь?

– Да и один потаенный, Срединный Мир, или Мировой Стержень, иначе именуемый Центром Мироздания.

– А почему он – потаенный?

– Как тебе сказать, – пилот пожал плечами. – Потому что его уже давно нет. Раньше он как бы скреплял, объединял, создавал ось, на котором вращались все остальные миры. Но с некоторых пор он исчез, закуклился, ушел в себя и с тех пор о нем никто ничего не ведаёт. Тем, кто найдет его обещана большая награда... – В это время капитан сердито закашлял и пилот увел разговор в сторону. – Таковы семь основных миров, лежащих на плоскости. А кроме них есть еще миры кромочные, где можно шею свернуть, есть торцовые, где сплошная погибель, реберные, куда лучше не соваться.

– Почему?

– Понятия не имею, – признался тот. – Но те, кто попал в эти миры, назад уже не вернулись, поэтому мы предпочитаем туда не соваться.

– Но раз вы так быстро летаете...

– Не летаем, а «фуррычим», – строго поправил его пилот.

– ...то что вам стоит снова подлететь в Солнечную систему?

– Это еще зачем?

– Ну... – мальчик уклончиво пожал плечами, – говори-

ли, что на Марсе, эта планета недалеко от Земли, тоже есть жизнь. Там даже нашли каналы.

– Во-первых, Фуррандан нацелен на проникновение к атмосферным планетам, а во-вторых в его фуррыканьи сквозь миры очень велик процент случайного. Да и миры ведь не стоят на месте. Так что для нас вероятность дважды войти в одну и ту же точку практически равна нулю.

– Так значит я... – голос мальчика задрожал.

– Что случилось? – встревожился Флийт.

– Так значит я никогда в жизни больше не вернусь на родину?! – воскликнул Грис. – И не увижу больше ни мамы, ни папы? Никогда?!

– Он опять собирается исторгать из глаз хлористый натрий, – вздохнул Флийт.

– Немедленно прекрати лить свои дурацкие слезы! – распорядился Флайт. – Эти выделения вкупе с отрицательными эмоциями чрезвычайно вредно действуют на мозг Фуррандана.

– Но вы должны, должны будете доставить меня обратно! – заупрямился Грис. – Вы слышите? Вы просто обязаны это сделать!..

– Уведите-ка его отсюда, – распорядился Флайт, отвернувшись к экрану, на котором расстилалась безжизненная каменистая пустыня. Схватив плачущего мальчика за руки Флийт потащил его к выходу. Внезапно они услышали крик, от которого у всех присутствующих заболело в затылке и за-

стучало в висках:

– Спасите! Спасите меня от этой ужасной твари!

И в дверях отсека появился Шалый, который с упоением терзал Пшука. Обычно, уходя Грис подвешивал мешок повыше, чтобы медведь не мог его достать. Но на этот раз либо медведь оказался хитрее, либо Пшук проморгал его приближение и попал в крепкие медвежьи лапы. Однако, увидев Флинта, который тащил к двери упирающегося Грису, медведь выпустил из зубов мешок и с яростным рычанием набросился на пилота. Не удержавшись на ногах, тот покатился по полу, задел капитана, сшиб с места Фуля и все вместе они вкатились в переплетение тончайших нервных центров, которые служили пультом управления летающим гигантом. В ту же секунду на них навалились перегрузки, затем отсек задрожал крупной дрожью, все вокруг застонало, заскрипело, завопило и наступила гробовая тишина и темнота.

Затем приятный мужской баритон произнес:

– Эй, на «грибочке»! Приказываю немедленно лечь в дрейф и не делать резких движений. Если попытаетесь драпать – я вас разделю на части.

Все это было произнесено голосом неторопливым и уверенным в своих силах. Обратив взгляды к глазу-экрану фарарийцы обнаружили, что на этот раз Фуррандан угодил в самый настоящий глубокий космос. И совсем рядом с ним, поблескивая холодными бликами стальных плоскостей на фоне лучей далекой белой звезды, висели два звездолета довольно

замысловатой конструкции.

– Пираты! – в ужасе воскликнул капитан Флайт и закусил зубами собственную растрепанную бороду.

Глава 6

В течение нескольких мгновений тишину в «черепе» Фуррандана нарушало лишь судорожное дыхание фарарийцев. Потом Грис шмыгнул носом и протянул:

– Простите меня... пожалуйста... – фарарийцы смерили его уничтожающими взглядами. – Я не хотел, я...

– О безбородый отпрыск долговязого племени! – в сердцах воскликнул Флайт, замахнувшись на него обрывком нерва.

– Не шевелись, торгаш! – рявкнул неведомый голос. – Вы у нас как на ладони. Еще одно движение – и мы влепим в вас полмиллиарда мегарад.

– Нет-нет, простите, я случайно, – заискивающе пролепетал Флайт, бросив на мальчика взгляд, полный ненависти. – Вы напрасно тратите на нас свое драгоценное время. Мы

простые обедневшие путешественники, и если и нарушили ваши границы, то сделали это совершенно случайно. Мы готовы заплатить пошлину, но... если бы вы знали, как мы бедны!..

– Бедный фарариец! – расхохотался неизвестный собеседник. – Это и в самом деле редкость! Готовый экспонат для Музея Вселенских Диковинок! И что ты там еще толкуешь мне о границах? Мои границы расположены в нулевой плоскости и простираются до плюс-минус Бесконечности по всем радианам мироздания. Я сам для себя устанавливаю границы и сам нарушаю их, когда и где мне вздумается, не подчиняясь при этом иному закону, кроме собственной прихоти. Ибо я – Звездный Вергойн, вечный скиталец в этом брэнном мире мрака и лжи...

– Вергойн! – взвыл Фульль, в страхе трясая своей куцей бородой. – Мы пропали!

– Ну что же, когда-то мы должны были с ним встретиться, – процедил сквозь зубы капитан Флайт.

Пока длился этот разговор, один из звездолетов подошел так близко, что можно было различить горящие иллюминаторы его многочисленных рубок, заклепки надстроек, какие-то решетки с ячейками непонятого назначения. Коегде прослеживались грозные серебристые сигары ракет, сидящих в боевых кассетах. Раз или два мелькнули яркие бирюзовые искорки лазерных прицелов.

В целом звездный корабль что-то походил на «пыльни-

ки», которые земные ребяташки во множестве изготавливали, маясь от скуки на уроках пения или рисования из искусно сложенного листа тетрадной бумаги. В готовом виде «пыльник» представлял собой многослойный бумажный ромбик, по конструкции и роду деятельности являвшийся точной копией кузнечных мехов. После того, как в них засыпали меловой пыли из-под классной доски, эти импровизированные меха исправно выпускали тонкие струйки пыли, заставляя противника чихать, фыркать и морщиться и оставляя на темных школьных брюках и платяцах нестираемые белые следы. У пиратского звездолета в месте, где у «пыльника» располагалось отверстие, находились сопла, светившиеся ровным сиреневым светом.

Когда на экране можно было разобрать даже следы сварки на листах обшивки, в борту звездолета образовалась щель. Раздвинулись толстые стальные плиты, и вскоре на этом месте образовался обширный проем. Спустя еще несколько минут звездолет проглотил тело Фуррандана с такой же легкостью, с какой, должно быть, кашалот мог бы заглотать косячок молодой кильки.

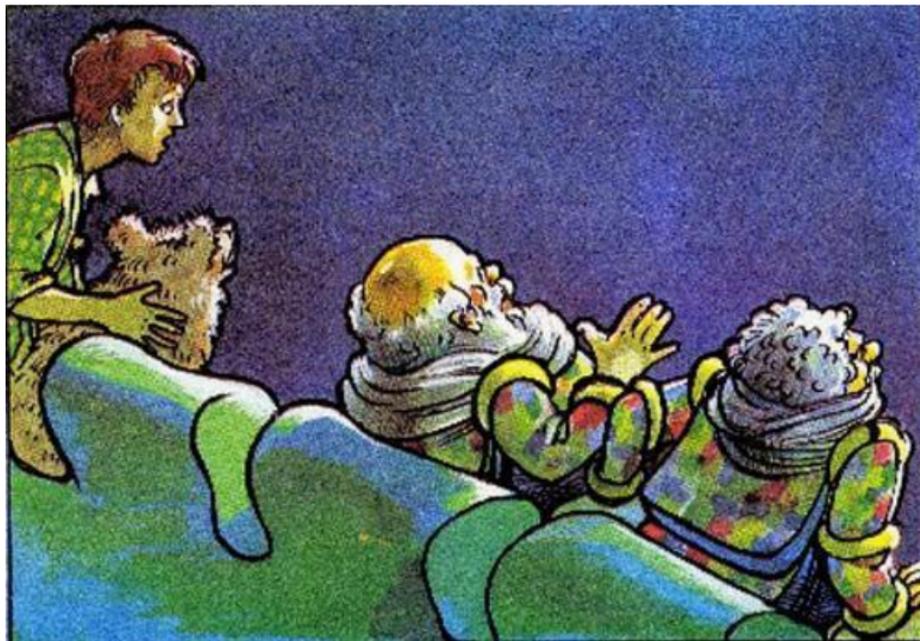
Внутри корабля царил кромешный мрак. Затем откуда-то сверху ударили снопы света и фарарийцев вновь затрясло.

– Безумцы, что вы делаете!?! – воскликнул Флайт. – Немедленно снимите оковы. Наш Фуррандан необычайно свободолюбив. Он не потерпит неволи.

– Тихо! – прикрикнул на него Вергойн. – Приказываю

всем заложить руки за головы и выходить по одному.

Капитан и пилоты медленно побрели к выходу. Вся команда братьев-фарарийцев уже собралась в главном коридоре корабля, который именовался «трахеей». На лицах «печеночников», «желудочников», «почечников» и всех остальных были написаны подавленность и отчаяние.

– Мужайтесь, братья, – с достоинством сказал капитан. – Еще и не то бывало! Вспомните наши приключения на Острие Иглы, в Верти-Крутице и в Переплетании! Вспомните, как мы выбрались из когтей Старого Какубана, натянули

нос Кромбу и Крембу, пустили пыль в глаза и обвели вокруг пальца властителей Каргеле – как-нибудь и с этим фанфароном поладим, клянусь фарром Фуррандана!

И, с гордым видом забросив распутившуюся бороду за плечо, Флайт прошествовал по трахее, в глубине которой уже образовался вход, забрезжил свет и потянуло морозцем и свежим воздухом.

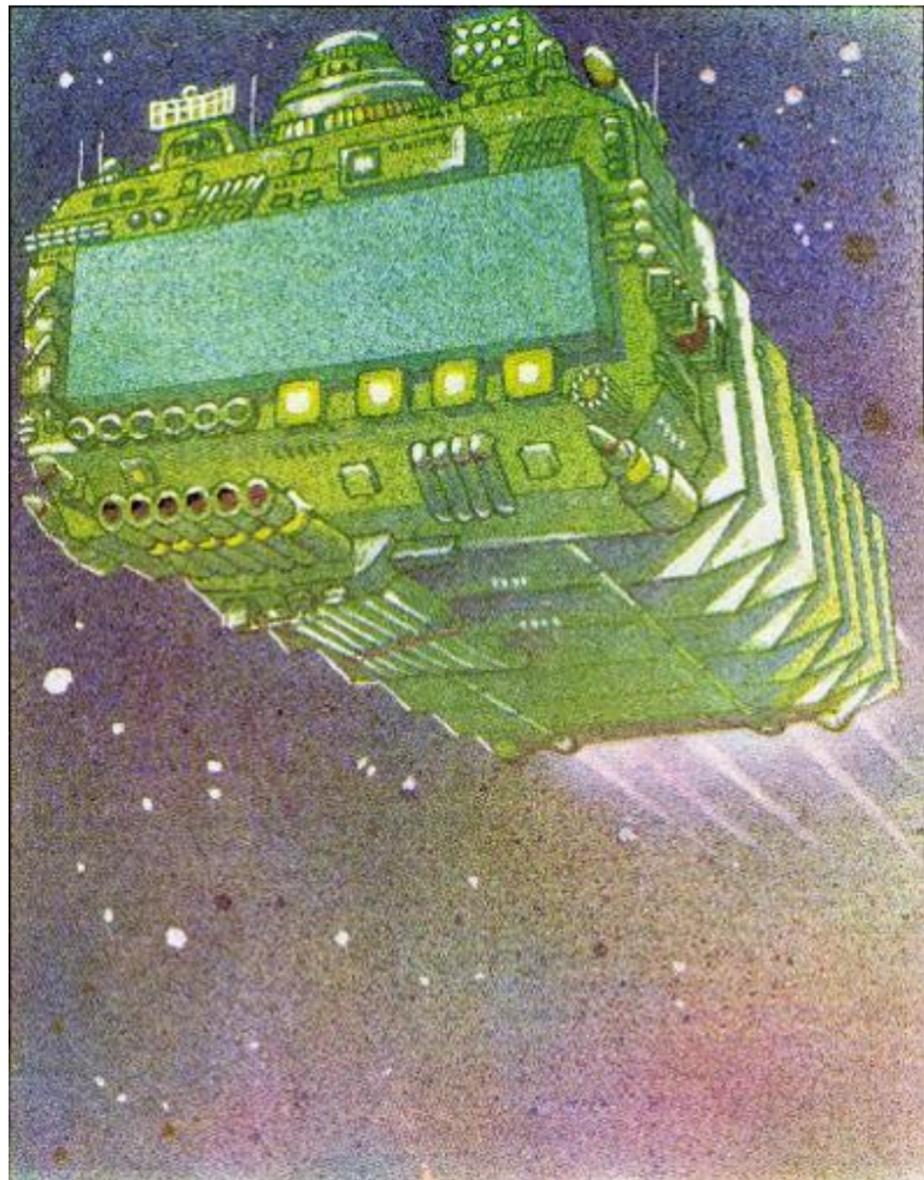
Грис подхватил на руки Шалого и уже собрался было выходить, когда ему под ноги попался мешок.

– А меня? – жалобно воскликнул он. – Возьмите и меня с собой. Только никому не говори, что я разумный, а то меня могут похитить, а мне нервничать противопоказано. Ведь во мне лежит такое...

– Ладно, – сказал Грис, забрасывая его за спину, – только веди себя смирно, а то опять начнешь кричать да прыгать.

– О, я буду вести себя скромнее самого скромного мешка, – заверил его Пшук.

Сдавленный мощными гравитационными кольцевыми захватами, Фуррандан повис в воздухе в грандиозном ангаре пиратского звездолета. На подвесных площадках на разных уровнях у стен уже толпились несколько сотен созданий самого причудливого вида. Среди них были двутелые и полутораголовые, были существа змееногие и слоноподобные, а также один спрут малинового цвета с янтарными глазами, сжимавший в щупальцах диковинного вида двуствольный лучемер.

На центральной платформе, которая медленно подплывала к беспомощному обмякшему телу мироходца, в окружении воинов, закованных в бронированные скафандры с оружием в руках, стоял высокий мужчина с длинными, снежной белизны волосами. Кожа его лица имела светло-голубой оттенок, глаза были ярко-синего, буквально василькового цвета с рубиновыми зрачками. Это и был командор Вергойн. Грис его сразу узнал. Именно он по ночам приходил в его сны, он заманивал его на глухую поляну и с его безмолвного благословения и совершались все грисовы ночные похождения. С плеч его мягкими складками спадало просторное одеяние, чем-то смахивающее на античные хитоны, подпоясанные широким кушаком с кистями, за который было закнуто нечто вроде кинжала. Рядом с ним стоял угрюмого вида бритоголовый крепыш с огромными плечами и массивными, достигающими ступней руками с огромными перекачавшимися узлами мускулов.

– Почтенный Флайт! – воскликнул Вергойн, взглядевшись в понуренную фигуру капитана фарарийцев. – Ка-кая счастливая встреча! Очень рад вновь тебя увидеть, – улыбка пирата не предвещала ничего хорошего.

– Я также очень рад, мой славный командор! – старательно заулыбался Флайт, сгибаясь в три погибели. – Знал бы ты, как давно я мечтал вновь свидеться с тобой...

– Давно? – иронически осведомился Вергойн. – Позволь спросить: и как же давно? Уж не с тех ли самых времен, как ты продал мне негодные серво-камеры?

– За которые славный командор заплатил фальшивой монетой, – потупился Флайт. – Да всучил дрянной мешок, в котором все, что ни положишь исчезает бесследно.

– Наглая ложь! – вскипел командор. – Монеты самые настоящие! Я лично их изготовил с использованием самой новейшей технологии, сам придумал, нарисовал и раскрасил банкноты и ценные бумаги моей Бурляндии. Кстати, их еще оставалось полно в том самом мешке.

– Но ведь такой страны не существует в природе! – воскликнул Флайт.

– А почему бы ей и не существовать? – удивился командор. – Я ее вообразил, причем достаточно подробно, придумал ей жителей, природу, правительство и даже монету. Так что не исключено, что когда-нибудь на нее наткнутся, и моя маленькая Бурляндия заставит себя уважать.

– Да-да, я в этом не сомневаюсь, – без особого энтузиазма поддержал эту мысль капитан Флайт, – но пока, к сожалению, ее валюту не принимают ни в одном галактическом банке...

– Да-да, – кивнул Вергойн, – я так же очень сожалел, когда твои серво-камеры вместо протонов начали вырабатывать антивещество и мой корабль оказался без движения в самой гнусной из возможных плоскостей, где не только люди, но и звезды не могли долго существовать и сворачивались в уродливые черные дыры, которыми там было утыкано все пространство, что твое решето. Но Звездный Вергойн за то и прозван Звездогоном, что из любой неприятности умеет выбираться и с немалой для себя пользой. Итак, поведай же нам, почтеннейший Флайт, какими товарами смо-

жешь ты порадовать изнуренных странствиями космических скитальцев? Какие заморские диковинки и редкости предложишь моей brave команде и их инопланетным женам и детям?

– Я рад был бы, но... – Флайт сокрушенно развел руками. – На всех твоих молодцов моих запасов все равно не хватит. У меня остались лишь жалкие крохи, остатки былой роскоши. Последний рейс был самым скудным, наторговали себе в убыток. Вся моя добыча – вот этот иноземный зверек, – он указал на Шалого, свернувшегося на руках у Гриса, – да вот этот безбородый изверг, за ним присматривающий, который приносит несчастья всем, с кем ни столкнется.

Командор искоса взглянул на Гриса и вновь перевел взгляд на капитана.

– Если ты сам не откроешь тайники своей летающей поганки, мы начнем ее трясти и вывернем наизнанку со всеми потрохами! – рявкнул он. – Немедленно открывай свои трюмы и показывай, чем богат, а мы посмотрим, забрать ли нам все в компенсацию за твое неслыханное мошенничество или только десять десятых ввиду твоей вопиющей наглости.

Повернувшись к Фуррандану лицом, капитан Флайт сунул в зубы свисток и издал несколько звучных трелей, затем произнес какое-то длинное и витиеватое слово, сопровождая его гулкими хлопками в ладоши. Исполинский гриб дернулся, по телу его пробежала крупная дрожь. В «ножке» образовалась щель, которая в мгновение ока преобразилась в

некое подобие широко разинутой пасти. Оживленной толпой пираты полезли внутрь. Скоро оттуда посыпались обширные связки крупных темно-серых шаров, чем-то напоминающих большие неправильной формы баскетбольные мячи. Их сгружали на платформе у ног командора пиратской флотилии. Вергойн стукнул один из шаров ногой.

– Это ткани, сотканые мастерами с планеты Тиолинна, – услужливо сообщил Флайт. – Они тоньше амебьей волосинки и прочнее, чем керамопластик, не пропускают ни молекулы воздуха, из них получаются прекрасные наряды и не менее надежные скафандры...

– В которых невозможно ни сесть, ни пошевелиться, не так ли, Пубрит? – насмешливо продолжал Вергойн, взглянув на неотступно шествующего крепыша. Тот с недовольным видом покачал головой.

Затем Вергойн внимательно осмотрел вторую связку.

– Здесь лежат прекрасные украшения жительниц Данубии, – сказал Флайт. Просунув руку внутрь шара он извлек наружу горсть сверкающих побрякушек. – Они не так хороши на вид, но очень приятны на ощупь. А к тому же способны вызывать самые различные мелодии, грустные или веселые, в зависимости от настроения хозяина...

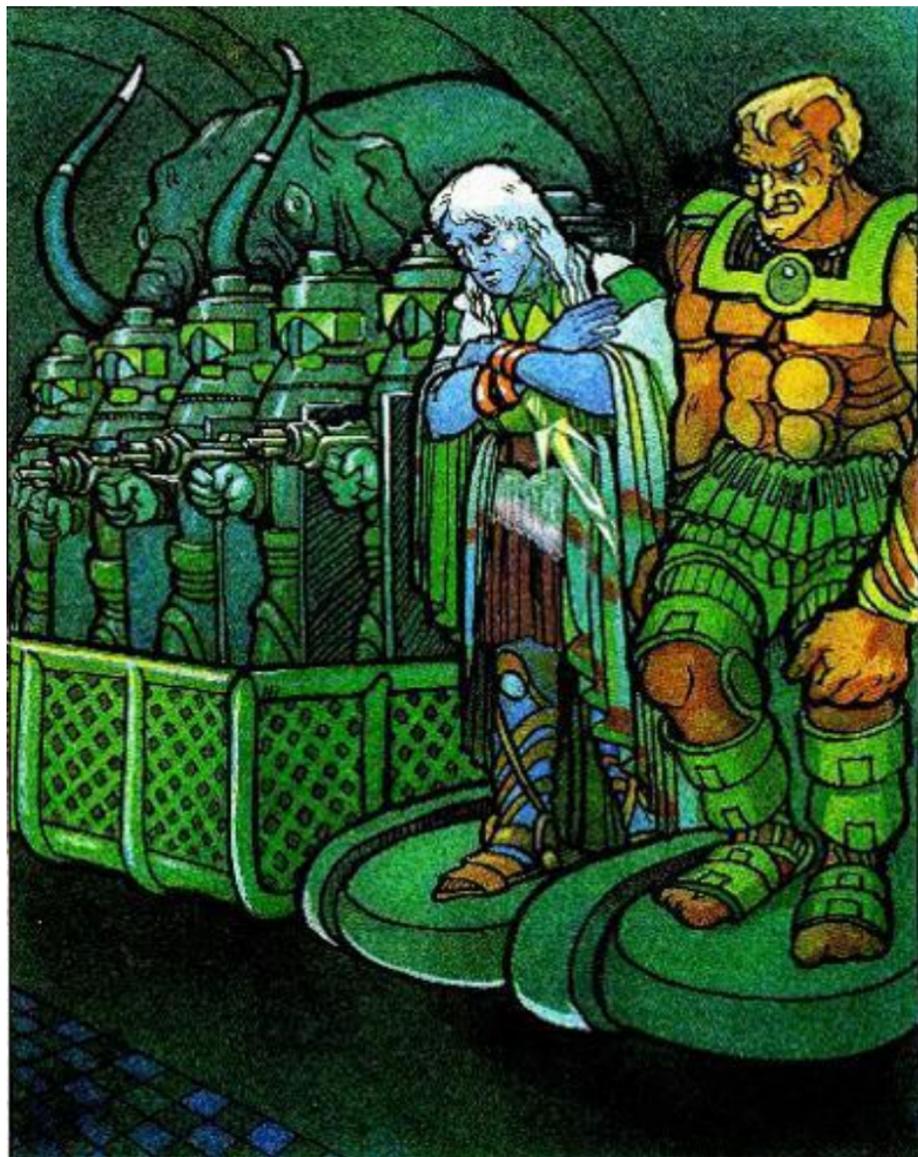
– Мне незачем показывать всем, какое у меня настроение, – отрезал Вергойн. – А что в этих контейнерах?

– О, здесь – прекрасные, восхитительные, неповторимые цветы Нандрии, – заявил капитан, доставая из шара горсть

невзрачных буроватых корешков. – Стоит их только преподнести девушке, и она уже не сможет думать ни о ком ином, кроме вас...

– Глупости, – отрезал пират. – Любовь девушек нужно завоевывать своей смелостью, нежностью и постоянством, а не цветами.

Так, методично и неторопливо переходили они от одной кучки контейнеров к другой.

Один из шаров чем-то не понравился Вергойну, он под-

бросил его вверх и выдернул из-за пояса «кинжал». Острие этого странного оружия испустило тончайший зеленоватый луч. Едва он коснулся шара, как тот будто взорвался, превратившись в гору каких-то железных конструкций, размером с двухэтажный дом. Все они с лязгом и грохотом попадали куда-то вглубь ангара.

– Мне кажется, это не совсем похоже на ароматические палочки, – заметил Вергойн.

– Я просто ошибся, – с невинным видом заявил Флайт.

– Мне кажется, что это больше смахивает на антипро-странственную пушку, не так ли Пубрит? – спросил командор у крепыша.

– Она и есть, – мрачно ответил тот, – только без реактора.

– Но реактора у меня нет!.. – затараторил Флайт, всплеснув руками, – можете проверить...

– Он есть у нас, – с добродушной улыбкой заверил его Вергойн. Он уже дошел до края платформы и, остановившись возле Гриса, пихнул ногой Пшука.

– А тут что лежит?

– Ой, не трогай меня! – испуганно заверещал Пшук. – Меня нельзя открывать! Во мне лежит такое... такое!..

В эту минуту вдали послышались торжествующие крики:

– Есть, командор!.. Вот почему они прятались!..

Рысцей подбежав к командору, рыжий мастодонт с коротким гладким хоботом осторожно положил у его ног пластиковое корыто, наполненной небольшими, неправильной

формы пушистыми комочками, которые медленно вразнобой подрагивали, как цыплята, сгрудившиеся вокруг наседки.

– Вневры! – воскликнул Вергойн. – Так вот чем ты сейчас промышляешь, приятель.

Издав отчаянное рычание капитан Флайт бросился к корытцу, но Пубрит успел перехватить его по пути; он приподнял его за шиворот, встряхнул и отбросил назад к шеренге побледневших собратьев.

– Нет, нет, это не я... – захныкал Флайт. – Это кто-то другой подбросил мне... Я не хотел...

Не слушая его, Вергойн поднял один из шариков, осторожно раскрыл его (тот при этом принял форму пушистой шляпы с замысловато выгнутыми полями), надел его себе на голову и...

У Грися перехватило дыхание. Половина туловища командора исчезла. Только ноги его в рифленых, отливающих металлическим блеском сапогах стали медленно приподниматься в воздух, будто ступая по невидимой лестнице.

Пираты засуетились. Стоявшие поблизости попытались схватить ноги, но руки их прошли сквозь сапоги, а пальцы схватили пустоту. Тогда Пубрит живо вскарабкался на мастодонта, подскочил вверх и в падении сорвал с головы командора диковинную шляпу. Она мгновенно превратилась в маленький пушистый шарик, который, подгоняемый дуновением легкого сквознячка, пролетел над головами пиратов

и фарарийцев и застрял в волосах Гриса. Мальчик вытащил его и быстро, пока никто не увидел, сунул к себе в карман. Этого и в самом деле никто не заметил, ибо все взоры обратились к командиру

Вергойн еще некоторое время приходил в себя, озираясь и глядел по сторонам с донельзя обескураженным видом. Потом он нахмурился и грозно спросил:

– Кто?

– Прости меня, хозяин, – заискивающе прошептал Пубрит, становясь на колени. В руках командора вновь оказался лученосный кинжал. Крепыш завопил от страха. Этот крик привел Вергойна в себя. Он тяжело вздохнул и засунул кинжал за пояс.

– Да, – пробормотал он, покачивая головой. – Отменный был вневр... – он сурово поглядел на съезжившегося Флайта. – Итак, прощелыга, вот отчего ты избегал прямых путей, вот зачем крался по окраинным мирам, избегая таможенников и рыскал по задворкам мироздания, подбирая что и где придется!..

С этими словами Вергойн ухватил Флайта за бороду и, приподнялся усердно трясти, так что у него застучали зубы.

– Не смейте этого делать! – воскликнул Грис, увидев это, и, подскочив к командору ткнул его кулаком в бок. – Он же слабее вас и притом старше, как вам не стыдно?!

Вергойн был до того удивлен, что выпустил Флайта и отступил на шаг.

– Что за странное создание?! – спросил он, недоумевая. –

На фарарийца не похож.

– Он наш гость... – промямлил Флайт. – С одной полудикой планеты. Вот и зверюшка с ним.

– Что же он делает на твоём корабле?

– Он попал к нам случайно, – уклончиво сказал капитан. – Мы взяли его придачу к зверюшке. Чтобы он кормил ее и ухаживал. Но если хочешь, можешь забрать их себе.

Вергойн усмехнулся и сказал Грису:

– Вот видишь, кого ты взялся защищать? Людей надо уважать не за возраст, и не за силу, а за их поступки.

– А разве вы хорошо поступаете, когда грабите чужие корабли? – храбро спросил мальчик.

Пират нахмурился.

– Довольно разговоров! – приказал он. – Разведите их по камерам и хорошенько охраняйте.

Глава 7

– Ах, какое несчастье! Какое ужасное горе! – уныло бормотал Фуль. Он сидел в одной камере с Грисом, Шалым и Пшуком. Это была темная и тесная металлическая коробка, с одной стороны забранная частой решеткой. Флуоресцентная полоска на потолке слабо освещала внутренность клетки.

– Жрррать! – бурчал медведь.

– Ну вот, опять он свое заладил! – с ненавистью сказал Фуль. – Будь трижды раздроблены и перевернуты тот день, и час, и минуты, когда этот бестолковый Флопп отправился

в эту ужасную чашу и встретил там этого прожорливого зверя, – он замахнулся на Шалого. Тот рывкнул и лязгнул зубами.

– Не трогай его! – Грис прижал к себе микромедведя и пригладил его вздыбившуюся шерсть. – Он ни в чем не виноват. Никто вас не просил прилетать к нам, а тем более воровать медведей.

– Но мы и не собирались прилетать! Ведь Фуррандан плохо передвигается в космосе. Он старается двигаться от планеты к планете, причем выбирает атмосферные. Ваша планетная система расположена в окраинном мире, а у нас был, как ты уже видел запрещенный груз. За нами погнались таможенники. Вот мы и скакнули сквозь миры наугад, так что потом и сами не знали, как выбраться. Мы, если хочешь знать, даже не успели оглядеться потому что прилетела эта ужасная винтолетная машина и мы испугались, что это опять таможенники.

– Значит не надо было возить запрещенных товаров.

– Но ведь за них хорошо платят! – возразил Фульль с удивлением воззрившись на Гриса.

– А что в них такого запретного в этих... нервах? – спросил Грис. – Почему их запрещают?

– Как тебе сказать? – фарариец пожал плечами. – Кое-где внедры запрещают из консерватизма, где-то – по глупости, где-то – из соображений морали или экономики. На самом же деле внедры – это вполне безобидные животные, питаю-

щиеся временем.

– Чем?

– Вре-ме-нем, – повторил Фуллер. Затем вздохнул и пустился в объяснения.

– Видишь ли, нам с тобою, да и многим другим порой кажется, что время – это такая река без конца и без начала, текущая из вчерашнего дня через сегодняшний и прямо в завтрашний. На самом же деле времен на свете не меньше, чем пространств, гораздо больше, чем капель в море и песчинок во всех горах всех планет. И так же, как ты при желании способен вспомнить события, которые происходили с тобой вчера, позавчера, месяц или год назад, так и время, оно не просто проходит – оно суммируется. Вневры им, твоим временем и питаются. Твоим или же чьим-то чужим временем. Правда, существа они неразумные и самостоятельно питаться не могут. Но стоит только кому-либо надеть вневр на себя, как тот начинает интенсивно поглощать его время, а сам человек оказывается вне обычного времени. Потому-то эти существа и называются вневрами.

– Но почему же их запрещают? Разве это плохо? – Грис был явно сбит с толку этим запутанным объяснением..

– В самих вневрах, разумеется, ничего плохого нет, – продолжал Фуллер. – Но, оказавшись вне времени, человек приобретает способность одновременно делать несколько вещей, побывать сразу в нескольких местах, оставаясь при этом невидимым, на него не действует обычное оружие. Я-

то сам им не пользовался, но поговаривают, что для одевшего вневр все люди кажутся застывшими в различных позах, и для него они будут так стоять бесконечно долго. Находясь вне времени, человек может узнать любую тайну, он способен будет что-то построить или сломать, найти утерянное, посмотреть со стороны на себя и своих друзей, а затем вернуться в свое прежнее обличье, для всех же остальных он будет отсутствовать не более секунды. Счастье еще, что одному человеку на жизнь отпущен один-единственный вневр...

– Но... – мальчик был ошеломлен, – зачем же вы тогда их вообще продаете? Не лучше ли оставить их там, где они растут?

– Как «зачем»? – в свою очередь удивился Фуль. – Мы продаем их затем, что за них очень хорошо платят.

– Но ведь вневром может воспользоваться какой-нибудь негодяй и натворить такого!..

– А нам-то что до этого? Нет, молодой человек, – сокрушенно вздохнул Фуль, – ты совершенно не понимаешь законов коммерции.

– Раз эти законы позволяют делать такие гадости – это очень плохие законы! – убежденно сказал Грис.

В это время в коридоре послышались тяжелые шаги. Одна из металлических стен отворилась, бросив на пол темницы сноп ослепительно-яркого света, и грубый голос прогудел:

– Эй, кто тут землянин со зверушкой? А ну выходи!

Глава 8

Мохнатый мастодонт долго вел мальчика по длинным ко-

ридорам. На шее конвоира было пристегнуто диковинного вида оружие, похожее на помесь садовой лейки (с тремя разнокалиберными носиками) с аккордеоном. Потом они погрузились в обширный и роскошно обставленный лифт, в котором имелся телефон, ванна, диван со сломанной ножкой и покосившийся торшер с полусгоревшим абажуром. Грис бережно прижал к груди все свое добро, состоявшее из мешка и медведя. Они попережнему друг друга на дух не переносили. Шалый все скалил зубы, а Пшук ругал его, несмотря на то, что мальчик посоветовал ему быть поласковее с медведем. Нести их обоих в руках Грису было не очень-то удобно, и он даже собирался засунуть мишку в мешок, но тот резко воспротивился:

– Да ты что? В меня? И думать не смей! – истошно телепортировал он. – Во мне ведь лежит такое... такое!..

– Не разговаривать! – рявкнул мастодонт.

«Неужели он тоже умеет читать мысли?» – поразился Грис.

«Ничего подобного, он улавливает только обрывки» – скептически заметил Пшук.

– Кому сказал: отставить rrrразговорrrrrы! – рявкнул конвоир.

Каюта командора оказалась на удивление скромным, уютным, хоть и довольно просторным помещением. Одну стену занимали шкафы и ящики, у другой стояли два кресла и столик. В одном кресле сидел сам Вергойн, другое же он при-

ветливым жестом предложил занять Грису.

Мальчик уселся на край кресла и огляделся. Воспользовавшись его рассеянностью, Шалый выбрался из свернутого мешка и, подойдя к ноге Вергойна, недоверчиво обнюхал ее.

– Занятный зверек, – сказал командор. – На твоей планете все звери такие маленькие?

– Нет, – ответил Грис, – там живут разные звери, одни ростом меньше его, другие гораздо больше. Но и он таким не был. На самом деле он высокого роста, почти такой, как этот, который меня вел.

– Трумбо?

– Вот именно. Правда Флайт велел его микри... микра... ну, словом, уменьшить.

– Ты хочешь сказать, микротизировать, – Вергойн с осуждением покачал головой. – Эти фарарийцы на редкость бесцеремонные личности. Они считают, что все на свете существует лишь для того, чтобы покупаться и продаваться. Я долго толковал в свое время с одним из них, пытался объяснить ему, что на свете кроме материальных категорий, существуют еще и моральные, такие, как «честь», «доблесть», «правда», которые ни купить, ни продать нельзя ни за какие деньги...

– Жрррать! – настойчиво рявкнул Шалый, развалившись на ковре с толстым ворсом. За несколько минут он успел испробовать на зуб ножки столика и кресел и убедился в их абсолютной непригодности в области гастрономии.

– Ну потерпи же! – с упреком сказал ему Грис. – Нельзя же все время думать только о желудке.

– Ты сам научил его разговаривать?

– Нет, это фарарийцы посадили в него какого-то «умника», он его и учит.

– О! – командир с пониманием кивнул головой. – Эти фарарийцы когда-то были великими искусниками. Однако страсть к торгашеству отвратила их от ремесла и когда-нибудь окончательно погубит... – задумчиво сказал он и запустил в шерсть медведя свои длинные бледные пальцы с лиловыми ногтями. Мишка доверчиво заурчал.

– Зачем вы их обижаете? – осмелев, спросил мальчик. – Зачем вы отняли у них корабль и все товары?

– Зачем? – с удивлением переспросил Вергойн, и его сапфировые глаза расширились, в зрачках сверкнула молния. – Но ведь это так просто: они торгуют с моими врагами, тем самым помогая им, а я, естественно, не желаю этого.

– Но раз вы пираты, то... вы, наверное, воюете со всем белым светом?.. То есть, я хотел сказать, что на свете... – сконфузившись, Грис умолк.

– Со светом... на свете... – Вергойн усмехнулся. – Интересное выражение. Такое мне еще не встречалось... – он ненадолго задумался. – Нет, я воюю с мраком, с холодной, удушливой тьмой. Причем с помощью таких типов, которые сами по себе чернее самой черной ночи. Но... если ударить тьмой на тьму, то вдруг во мраке вспыхнет свет? – он испы-

тующе посмотрел на Грису.

– Не знаю, – неуверенно пробормотал Грис, – я еще не знаю, с кем вы боретесь и за что?

– Я? – командор улыбнулся. – В какой-то степени я воюю против самого себя... О звезды и созвездия! Сейчас твой зверь сожрет меня вместе с башмаками, – Шалый и вправду, основательно усевшись, принялся обглаживать штитлеты командора. – Что же, он у тебя не питается ничем, кроме одежды?

– Нет, но у фарарийцев одежда была очень вкусная... А вообще-то он ест мясо и мед.

– Какое мясо?

– Ну-у... всякое, – Грис пожал плечами. – Кого поймает, того и съест. Рыбу ловит... В этом году корову задрал...

– Так он у тебя хищник?

– Конечно...

– Очень странный зверь, – задумчиво сказал командор. – Наши неразумные создания плотью не питаются. Это привилегия людей.

Командор несколько раз щелкнул пальцами. Из стены вывалился столик, уставленный тарелочками с разнообразной снедью и бутылками с разноцветными жидкостями.

– Угощайтесь, – сказал Вергойн. – А я пока вспомню прошлое.

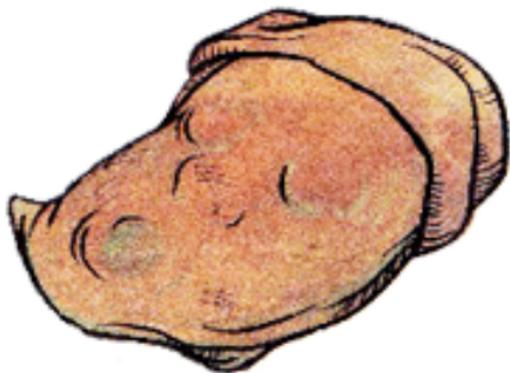
Напрасно мальчик пытался предложить медведю на выбор разноцветные желеобразные брусочки из разных тарелочек.

лок. Шалый их категорически отверг и, настороженно приняв, отправился исследовать дальний угол помещения. С опаской отпив из одной бутылки, Грис убедился, что жидкость, налитая в нее, очень похожа на клюквенный морс, который давным-давно, в прошлой, так неожиданно пережившейся жизни умела делать его мама. Одна из тарелок оказалась наполненной чем-то вроде пудинга из холодной каши. Его Грис стал есть, впрочем, без особенного удовольствия. Одежда фарарийцев была гораздо вкуснее. Он ее так и не носил, а остался в выцветших джинсах, сбитых кедах и цветастой рубашке, которая от долгого ношения вообще потеряла всякий цвет.

Тем временем, пока он был увлечен едой, в комнате появился еще один ребенок, мальчик, на вид не старше Гриса с белыми волосами и сапфировыми глазами. Он возник так неожиданно, что Грис чуть не подавился, и поглядел на Вергойна. Командор стоял рядом и вертел в руках какую-то дощечку.

– Ну, что же ты сидишь, невежа, – с мягким упреком сказал он, – подойди к молодому господину и поздоровайся.

Поднявшись, Грис подошел к мальчику и протянул ему руку. Никак не реагируя, тот стоял на месте как вкопанный и глядел мимо него. Грис протянул руку и коснулся его, но рука его не ощутила прикосновения, а прошла в пустоту. Он обернулся.

– Не пугайся, – успокоил его командир. – Это всего лишь образ. Изображение, запечатленное лазерными лучами на кристалле.

– Голография! – вспомнил Грис.

Вергойн пожал плечами.

– Возможно, это называется и так. Мы это зовем образами. И таков был некогда образ воспитанника отдельного гвардейского корпуса «Сердце Отчизны».

Следующая голограмма представляла того же мальчика, но двумя или тремя годами старше. Он был одет в черный мундир, увешанный аксельбантами, звездами и атласными лентами.

– Стажер личной охраны царевича Миловида, – прокомментировал Вергойн.

Следующее изображение было похоже на что угодно, кроме человека. Больше всего это смахивало на водолазный скафандр, который применялся для самых больших глубин. Он был изготовлен из металла, отполированного до зеркальной гладкости. Передние конечности, похожие на гигантские крабы клешни, были прижаты к яйцеобразному корпусу, нижняя часть которого завершалась оперением, наподобие ракетного.

– А это – Рыцарь Плазменного Шара, Магистр Гразера, победитель двадцати восьми турниров, имеющий двадцать шесть побед, две ничьих и ни одного поражения... То был

мой звездный час, – вздохнув заключил Вергойн.

Следующий за этим образ изображал его же, но одетого в лохмотья, с массивными колодками на шее, ногах и руках. Тело его было изранено, ссадины сочились темнофиолетовой кровью.

– Государственный преступник номер один! – с горестным смешком промолвил командор. – Приговорен к распаду на атомы с абсолютным и вековечным забвением.

– Вы чтонибудь э-э-э... натворили? – робко поинтересовался Грис. – Ну... я имею в виду, нарушили какой-нибудь закон?

– Да, – кивнул Вергойн и отложил прибор передачи изображения. – Я нарушил главный и единственный закон нашего славного общества – я начал думать. И случайно додумался до способа, благодаря которому можно было бы значительно улучшить жизнь нашего народа. Причем жизнь не только людей с голубой кровью, но и многих других созданий, которые ничуть не виновны в том, что их кровь имеет красный, зеленый, желтый и черный цвета.

«Интересно, он говорит правду или...» – подумал Грис.

«Да, он не лжет, – ментально телепортировал Пшук, – но чего-то он не договаривает. Кажется, ты ему для чего-то нужен...»

– Странно все это... – вслух сказал Грис. – Почему у вас такое отсталое государство? Все эти цари, короли... У вас так хорошо развита техника, для чего вам все эти дополни-

тельные принцы и рыцари? Мы – так давно своих рыцарей и дворян прогнали. На нашей планете почти во всех странах республики. А правят не цари, а парламенты или президенты.

– Вот как? – удивился Вергойн. – И что же, все эти республики живут между собой в вечной дружбе и никогда не воюют? И никто никого не угнетает?

Грис покраснел. Ему было неудобно признаться, что и на его планете тоже не все гладко.

– Вот и в нашей стране были периоды, когда она была раздроблена на массу независимых княжеств, республик до тех пор, пока одна страна не подмяла под себя все остальные. Тогда-то и воцарился прочный и нерушимый «мир»... – с иронией заключил он.

– Да, мир! – со вздохом заключил он после некоторой паузы. – Но что это был за мир? Мир, в котором одни угнетают других, мир, вооруженный до зубов, мир, живущий в вечном ожидании войны...

– У нас тоже богатые угнетали бедных! – воскликнул Грис. – Но тогда в нашей стране произошла революция и мы свергли царя!

– Видишь ли, – мягко объяснил Вергойн. – Наши богачи вовремя сообразили, как можно одурачить народ. Они объявили родную планету Милитарию в опасности и произвели тотальную мобилизацию. С той поры вся страна от мала до велика была загнана в окопы, заводы переведены на произ-

водство оружия, фабрики стали выпускать лишь обмундирование, не стало господ и слуг, остались лишь солдаты и офицеры. Но для того, чтобы наше царство могло существовать, оно вынуждено расширять ареал своего обитания за счет так называемых инопланетных «чудовищ», то есть всех диких, разумных, полумрачных и вовсе неразумных тварей, которые имеют несчастье жить с нами по соседству. Вот я и подумал: а разве они не имеют права на существование? Трумбо, зайди сюда! – крикнул он.

На пороге кабинета показался давешний мастодонт с боковой лейкой на шее.

– Вот скажем, это примечательное создание – разве не прекрасно? Правда, на вид он слегка диковат, но, поверь мне, на своей родине он считается неплохим композитором. Впрочем, их музыка может показаться нам странноватой и даже страшноватой... спой-ка нам, Трумбо!

Отступив на шаг мастодонт задрал ногу, поднял свой короткий и толстый хобот и затрубил дико и грозно. От этих воинственных звуков по спине Грися пробежали мурашки. Вергойн засмеялся и замахал руками, отсылая Трумбо за дверь.

– Вот видишь, а соплеменники внимают ему с истинным восторгом. А взять моего помощника Пубрита. Он уродлив, как и все клонеры, существа выведенные искусственно для выполнения самых тяжелых и грязных работ. Но я обнаружил в нем доброту и преданность. Он не научился читать и

писать, но прекрасно обращается с самой сложной техникой. И основной моей виной сочли то, что я свою инопланетную прислугу начал учить грамоте. Я бежал из-под стражи, собрал себе команду из низших рас нашего мира и объявил войну царю Помпузиану, его министрам и князьям... Кстати, царский титул – это скорее дань традиции. Цари у нас избираются всеобщим тайным голосованием и официально должны сменяться периодически, однако, как правило, эта должность пожизненная. Ну и естественно, пожизненные цари избирают себе пожизненных министров, придворных, которых потом назначают князьями, дают им имения и замки. Ну, а те, как ты сам понимаешь, воздают своему благодетелю царские почести, всячески лебезят перед его сыновьями и, – Вергойн вздохнул, – и дочерями...

Внезапно он взглянул на мальчика и спросил:

– А ты как попал к фарарийцам? Я вижу, ты человек не их да и не нашей породы. В твоей крови слишком много железа.

Гриша честно рассказал о том, что произошло на лесной поляне, умолчал он лишь о том, что видел Вергойна в снах, да сейчас он уже и не был уверен, был ли это он. В том, из снов было слишком много вкрадчивого, алчного, змеиного, этот же производил впечатление простого, честного, великодушного человека. Однако объяснить этой метаморфозы он не мог и потому решил подождать и спросить при удобном случае. Услышав же о том, что искали фарарийцы на земле, Вергойн сплюнул и столь витиевато выругался, что мальчик

покраснел, он не понял и половины оборотов в этом ругательстве, принадлежащем головоногим земноводным с Плэнгры, но того, что он разобрал, было достаточно, чтобы понять, какая у них обширная и разносторонняя личная жизнь.

– Стиль пророчества мне знаком, да и координаты похожи, но о самом таком пророчестве я слышу впервые. Однако же хороши торговцы! Центр Мироздания! Это значит, что они решили вернуть власть проклятому Старому Какубану, величайшему негоднику во всей Вселенной. Все миры вздохнули спокойнее, узнав, что он умудрился потерять Стержень. Хотя пока в его руках Скипетр Власти никто иной не в силах им завладеть. И все равно, без Центра Мироздания, то есть того самого Мирowego Стержня, все Жернова разболтались, Плоскости сбились, так что из мира в мир попадать стало чертовски сложно, никогда не можешь знать, где вынырнешь. Впрочем нашему брату это вроде бы и на руку. И все равно, путешествовать стало сложно, – он взглянул на мальчика и улыбнулся. – А тебя они, значит, приняли за того самого «витязя»? Ну-ну, поглядим, во всяком случае, жизнь у тебя здесь будет поинтереснее, чем дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.